Дьявол носит лапти

Автор:
Дарья Донцова

Дьявол носит лапти

Дарья Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #29

Похоже, я, Виола Тараканова, известная широким массам как писательница Арина Виолова, крепко влипла! Только представьте – меня обвиняют в убийстве адвоката Николая Литягина! Я всего лишь надеялась разжиться у защитника крутым сюжетом для своего нового детектива, и чем это кончилось? У меня оказался ноутбук Литягина и важнейшая улика, которая может оправдать невиновного и засадить за решетку настоящего маньяка – каждый год в один и тот же день он душит особ легкого поведения одинаковыми голубыми шарфами. Теперь я жду, когда злодей клюнет на «живца» – да-да, меня, любимую – и выдаст себя. А тем временем я осваиваюсь на новой работе в должности покупателя-провокатора: хожу по торговым точкам и талантливо довожу продавцов до белого каления. Трепещите, бутики!

Дарья Донцова

Дьявол носит лапти

Глава 1

Если тратить деньги с умом, в итоге у вас не останется ни ума, ни денег.

Я сделала вид, что до крайности заинтересована ценой на конфеты, и принялась сосредоточенно разглядывать витрину. А сама тем временем слушала чужую беседу.

– Девонька, – бубнил тщедушный старичок, одетый, несмотря на август, в теплую куртку, – очень у вас пельмени гадкие!

Продавщица, ярко накрашенная пергидрольная блондинка, разинула рот, и я невольно втянула голову в плечи. Ну, сейчас дедушке достанется по полной программе. Надеюсь, чуткий микрофон, спрятанный под футболкой, не заклинит от силы звука. Ах, дедуля, зачем ты полез укорять тетку! Неужели по ее виду не понял, с кем имеешь дело?

Но события совершенно неожиданно стали развиваться совсем не так, как я ожидала.

– Пельмешки не понравились? – прогудела торговка. – Они у нас всегда свежие, сама их беру.

– Глупость получилась, детонька, – пожаловался старичок. – На пенсию мало что себе позволить можно, надо рассчитывать покупки до копеечки. А тут я пельменей захотел, ну и махнул рукой на экономию, схватил у вас вчера аж целый килограмм. И чего? Бросил в воду, помешал ложкой, пошел к холодильнику, горчицу достал, телик включил, приготовился полакомиться в свое удовольствие, как раз футбол начинался. Вернулся к кастрюльке, стал в ней шумовкой шуровать и… чего?

– Что, дедуля? – участливо спросила продавщица. – Развалились? Тесто отдельно от мяса?

– Кабы так, то не страшно, – закряхтел божий одуванчик. – Можно выловить и по отдельности съесть. Нет. Они исчезли!

Я оторвалась от изучения цен и уставилась на деда. Похоже, у него не все дома. Продавщица оперлась руками о прилавок.

– Вас как зовут?

– Андрей Палыч, – ответил пенсионер.

– А я Нина, – нараспев представилась блондинка. – Может, вы, Андрей Павлович, не заметили, как пельмешки-то ко дну прилипли?

– Нет, Ниночка, – с достоинством ответил дедуля. – Воду слил, пусто!

Я без приглашения влезла в их беседу.

– Крэкс, фэкс, пэкс, чудесная пропажа.

– Дорогой фокус, – вздохнул дедок. – И непонятно, что случилось! Вот, пришел разузнать: если продукт мной не съеден, мне деньги вернут?

Нина горестно вздохнула.

– Чек остался?

– А как же, – обрадовался Андрей Павлович, – я всегда сохраняю кассовый документ. Вот, полюбуйтесь, деточка.

Нина взяла протянутый клочок бумаги и вздернула брови.

– Дедуля, покажите, пельмешки-то какие из себя были?

Искалеченный артритом палец указал на стеклянную вазочку в центре витрины. Она была наполнена белыми шариками, сверху торчала бумажка, на которой большими буквами чернела надпись «Зима», чуть пониже шел совсем мелкий текст. Мне пришлось прищуриться, чтобы прочитать: «Печенье помадно-сдобное».

– Ничего, что вразвес, – деловито сказал дедуля. – Без упаковки дешевле. Зачем мне коробка? Съесть ее нельзя, деньги выброшены на ветер. Так как, деточка? Есть у меня шанс расход вернуть? Поклясться могу, не ел пельмени, растворились они в кипятке.

– Я вам верю, – вздохнула Нина. Она сделала пару шагов в сторону, взяла пакет, положила в него несколько пачек с надписью «Сибирские», полбатона докторской колбасы, кусок сыра, кулек конфет, белый хлеб, пачку чая и протянула притихшему старичку. – Держите, Андрей Павлович, извините нас за досадную оплошность. Вы в другой раз всегда у продавца поинтересуйтесь: «Как эти пельмени, вкусные?» Не показывайте просто пальцем на товар: «Взвесьте этого килограмм».

– Столько продуктов! – пришел в восторг дедушка. – Давно колбаску с сыром не пробовал, не по карману они мне. Дай тебе, детонька, бог жениха хорошего.

– Спасибо на добром слове, Андрей Павлович, – улыбнулась Нина. – Лучше прибавку к зарплате пожелайте, мужиков не надо, от них никакого толка!

– Не горюй, еще попадется добрый, трезвый, работящий, – пообещал пенсионер и, сильно прихрамывая на правую ногу, ушел.

– Вань! – закричала Нина. – Там дедуля с пакетом, пропусти его без чека.

– Ладно, – проорали в ответ.

Нина поправила вытравленные локоны, сложила трубочкой покрытые кроваво-красной помадой губы, смахнула с прилавка крошки и обратилась ко мне:

– Чего хотите?

– Хозяин магазина не погладит вас по головке, если узнает, что вы раздаете продукты бесплатно, – сказала я.

Нина горестно вздохнула.

– Ой, беда! Жало мне стариков до слез. Как начнут копейки на ладони считать, рыдать готова. Неужели у них детей нет? А если есть, почему им колбасы не покупают? Видали беднягу? Перепутал печенье с пельменями! Засыпал помадно-сдобное в кипяток, оно и растворилось. Не убудет с хозяина, ему целая сеть маркетов принадлежит, много чего списывают: где упаковка плохая, где срок годности прошел. На помойку свозят, лучше б старикам бесплатно отдали!

– Не дай бог, отравится кто-нибудь из пенсионеров, – вздохнула я.

– А так они с голоду перемрут, – возразила Нина. – А вы что хотите?

– Небольшой тортик, – попросила я, – вон тот, с ягодами. Он свежий?

– Да уж, – сказал Нина. – В обед привезли, берите, не сомневайтесь. Бисквит шоколадный, хорошо пропитан, российские изделия без импортных консервантов. Видите, написано: «хранить не более трех суток». А вот там, на полках, итальянские кексы, они год не портятся. Понимаете?

– Спасибо за совет, – улыбнулась я.

– Ешьте на здоровье, приходите еще, – ласково прожурчала Нина.

– Говорите, торт у вас вкусный? – еще раз спросила я. – А вон то пирожное «Картошка», оно какое? Раньше я очень их любила, но сейчас они заметно ухудшились.

– Хотите тот, советский вариант? – улыбнулась Нина. – Я сама его обожала. Тогда возьмите «Трюфельное».

– Вы уверены? – усомнилась я. – Оно какое-то треугольное.

– Главное не форма, а содержание, – справедливо заметила Нина. – Не разочаруетесь.

– Давайте, – решилась я.

Нина аккуратно запаковала «Трюфельное» в небольшую коробочку, подала мне покупку и обратилась к стоящей у прилавка девочке:

– А тебе чего?

– Шоколадку, – бойко ответила та, – в красной бумажке!

– Мама знает, что ты сладкое покупаешь? – поинтересовалась Нина. – Ох, думаю, она тебе денег на обед в школе дала, на первое да второе!

Я пошла к кассе. Внешность обманчива. На первый взгляд продавщица кажется грубиянкой, впрочем, и на второй тоже. Отлично помню советские времена, когда за прилавками сплошь стояли такие «красавицы», вот только они разговаривали с робкими покупателями совсем иначе. Может, Нине сменить цвет волос и макияж?

Мой взгляд упал на зеркало, перед которым стояли плетеные корзиночки со жвачкой, леденцами и фруктовыми пастилками. Я невольно вздрогнула. Да уж, измени прическу, воспользуйся тональным кремом цвета загара, и тебя не узнает родная мама. Сейчас на меня смотрит незнакомая дама – шатенка с короткой стрижкой и смуглой кожей. Вот только глаза принадлежат Виоле Таракановой, их голубизну лишь слегка удалось притушить серыми тенями и накладными ресницами. Странно, но «боевой раскрас» прибавил мне возраста. Может, темно-бордовая помада меня старит? Раньше я всегда пользовалась прозрачным розовым или коралловым блеском, правда, и волосы у меня были светлые.

– Оплата наличными? – устало спросила кассирша. – Или по карте?

Я открыла кошелек и в ту же секунду заметила на стойке газету «Желтуха» с броской шапкой «Названо имя убийцы трагически погибшего адвоката Николая Литягина. Это писательница Арина Виолова».

– Еще ежедневник посчитайте, – попросила я и схватила издание.

Девушка за кассой закатила глаза.

– Охота вам деньги зря выбрасывать? Журналисты все врут! Или пиар-кампании устраивают, берут от звезд деньги и пишут, что те велят.

Я никак не отреагировала на слова девицы, быстро сунула «Желтуху» под мышку, покинула магазинчик, дошла до метро, спустилась вниз, села на скамеечку и погрузилась в чтение.

«Не так давно на улице Шепихина был обнаружен труп адвоката Николая Литягина. По версии следствия, озвученной для прессы, Николай Семенович был сбит иномаркой. Элементарное ДТП. Но мы в это не поверили и начали свое независимое расследование. Николай Семенович являлся несгибаемым борцом за правду и справедливость, он никогда не брал денег с подзащитного, если видел, что человеку нечем заплатить, и почти всегда выходил в суде победителем. Коллеги звали Литягина Дон Кихот Московский и недолюбливали его за излишнюю принципиальность. Литягин был последней надеждой для тех, кто отчаялся добиться справедливого приговора. Перед смертью он занимался судьбой Ивана Радченко, двадцатипятилетнего парня, которому было предъявлено обвинение в убийстве нескольких женщин. Радченко категорически отрицал свою вину, а Литягин заявил в последнем интервью, данном нашей газете: «Следственные органы поспешили состряпать дело. Очень скоро я смогу назвать имя настоящего маньяка, на счету которого не одна загубленная жизнь. Преступник хитер, он орудует давно, но я понял, где искать убийцу. Радченко отпустят на свободу, мы добьемся для Ивана компенсации за моральный и физический ущерб». На просьбу журналиста сообщить подробности о настоящем серийном убийце Литягин ответил:

«Ранее мне не хватало улик, но сейчас в моих руках имеется вещественное доказательство, которое будет передано следователю, и я сразу оглашу имя преступника. Поверьте, оно произведет впечатление разорвавшейся бомбы. Вы даже представить себе не можете, какой поднимется скандал, потому что маньяк – высокопоставленный человек».

На вопрос нашего корреспондента, не боится ли Николай Семенович делать подобные заявления, не опасается ли он за свою семью, Литягин пояснил:

«Я одинок, ни родителей, ни жены, ни детей. Моя жизнь всецело отдана работе, я обязан спасти невиновного человека».

На следующий день Литягин погиб. Еще через сутки следственные органы полностью лишили прессу информации. И вот сегодня утром репортер «Желтухи» сумел выяснить правду. Адвоката сбила Виола Тараканова, более известная широким читательским массам как писательница Арина Виолова. Она же унесла с места трагедии ноутбук юриста и сумку, в которой находилась та самая улика. На данном этапе Тараканова находится в бегах. Издательство «Элефант» отказывается обсуждать произошедшее. Но наш читатель хочет первым узнать правду. Поэтому мы покопались в этой истории и узнали много

интересного. Виолу Тараканову и господина Литягина связывали любовные отношения. Кое-кто из жильцов дома, где обитал адвокат, за пару дней до его кончины видел, как писательница входит в подъезд и поднимается на девятый этаж. Там расположена квартира, куда после рождения Николая Литягина его принесли родители, оба успешные адвокаты советского времени. Литераторша приехала в десять вечера и ушла в восемь утра следующего дня. Мы также нашли свидетеля, который в день гибели юриста слышал в кафе бурную ссору между госпожой Таракановой и Литягиным. Писательница в категоричной форме требовала от любовника предоставить ей все материалы по делу Радченко, но Литягин отказал. Выяснение отношений длилось почти полчаса, и в конце концов Тараканова сказала: «Мерзавец, ты обещал все рассказать мне первой и молчать, пока не выйдет моя новая книга. Значит, обманул меня? Я найду способ получить документы и заткнуть твой рот. Я убью тебя». Как часто обозленные женщины кричат своим любовникам эти слова: «я убью тебя»? Как правило, через секунду после такого заявления красавица заливается слезами, и скандал гаснет. Но у адвоката с детективщицей получилось иначе. Виола убежала из кафе, предварительно залепив любовнику пощечину, а поздно вечером Литягин был сбит насмерть принадлежащей ей иномаркой. Виола Тараканова, прозаик средней руки, пишет под псевдонимом Арина Виолова детективные романы. В интервью прессе она всегда подчеркивает: «Я рассказываю лишь стопроцентно правдивые истории, в которых принимала личное участие, ни малейшей выдумки в моих книгах нет». Удивительное дело, но дамочка не врет, она на самом деле обожает засунуть свой длинный нос в какое-нибудь расследование, а затем со вкусом описать его. Несмотря на достоверность своих произведений, особого успеха Арина Виолова не достигла. Российский читатель, похоже, навсегда отдал свою любовь Миладе Смоляковой. Всех остальных писак народ почитывает неохотно. И в отличие от патологически трудолюбивой Милады Виолова ленива: в прошлом году у нее вышла одна книжка, а в этом, когда календарь похудел более чем наполовину и показывает начало августа, на полках магазинов так и не появилось новой «нетленки» от бойкой дамочки. Похоже, у Виоловой творческий кризис. Наиболее активно Арина работала, будучи в браке с сотрудником милиции Олегом Куприным, который безотказно поставлял ей сюжеты. После развода она стала писать медленно и в конце концов окончательно выдохлась. Суммируя все факты, делаем вывод: Арине Виоловой необходим источник занимательных сюжетов. В надежде получить побольше информации трэш-романистка завязала интрижку с адвокатом Литягиным. Николай Семенович в порыве страсти пообещал ей доступ к своим материалам, но потом опомнился, понял, что будет исключен из адвокатского сообщества за разглашение тайн клиента, и отказался предоставить любовнице столь необходимые ей документы. Взбешенная Арина

убила Литягина и завладела его рабочими бумагами. Правильность нашей догадки подтверждает и откровенность одного сотрудника издательства «Элефант», чье имя мы по понятным причинам не называем. Аноним сообщил, что в июле госпожа Виолова рассказала о своей работе над новым произведением. В центре сюжета – Иван Модченко, несправедливо обвиненный в убийстве многих женщин. Но на самом деле серийным маньяком является не он, а некое высокопоставленное лицо. На вопрос главного редактора, когда же издательство получит возможность лицезреть великую книгу, Арина ответила: «Работа в разгаре, я веду расследование, вероятно, роман будет готов в сентябре». «Элефант» выдал Виоловой большой аванс и предупредил ее, что задержка сдачи рукописи чревата крупным штрафом. Похоже, издателю здорово надоела лень и необязательность подзвездка криминального жанра. Мы утверждаем: писательница ждала документов от Литягина, а когда Николай Семенович отказался их предоставить, потеряла голову. Сейчас наши читатели прячут усмешку, думая: что за ерунда, ну не написана книга, кто будет убивать из-за столь незначительного повода? Позвольте объяснить. Арина Виолова получает за каждый роман такую сумму, о которой простые люди и не мечтают. Она уже истратила аванс, а его потребуют вернуть в случае нарушения договора, кроме того, в нем предусмотрены серьезные штрафные санкции для автора, не сдавшего рукопись в определенный срок. Все, как обычно, упирается в вульгарное бабло. Нет текста – нет гонорара, зато есть авансовый вычет и штраф. У Виоловой новая квартира, кредит за нее банку не выплачен. Если Арина не получает материалов от Литягина, она полнейший банкрот, в перспективе бомж, потому что хоромы отберут у нее за долги. Сотрудники МВД уверены на сто процентов: адвокат был сбит джипом Таракановой. Виола Леонидовна схватила сумку, ноутбук любовника и умчалась, оставив его умирать на дороге. Литягин был обнаружен случайным прохожим и скончался в машине «Скорой помощи». Внедорожник Таракановой со следами крови адвоката на бампере и капоте отыскался на одной из улиц спального района Москвы. Сейчас полиция безуспешно ищет Виолу Леонидовну, но убийца словно сквозь землю провалилась. Наша газета включается в розыск. Если кто-то знает, где нынче находится писательница, просим позвонить по приведенным ниже телефонам».

Материал иллюстрировали четкие снимки, сделанные хорошей оптикой, а не камерой мобильного телефона. Вот мы с Литягиным выходим вместе из подъезда, следующий кадр – нежный поцелуй, которым обменивается пара. Потом идут совсем не пасторальные снимки. Мы с Николаем за столиком в кафе, у меня перекошенное от злости лицо. И папарацци ухитрился подсмотреть самый острый момент: я отвешиваю адвокату оплеуху.

Глава 2

Мне стало душно, на станции словно исчез воздух. Спина враз вспотела, легкое шелковое платье прилипло к лопаткам. Я пожалела, что не надела тонкие колготки. Сейчас встану, и юбка будет изжеванной. Но уже через секунду меня заколотило в ознобе. Итак, началось! «Желтуха» разнюхала правду. Отвратительная газетенка пользуется огромной популярностью, ее тираж зашкаливает за несколько миллионов экземпляров. Если сейчас вглядеться в людей на перроне, то у многих в руках можно заметить пасквильное издание. Этот листок выходит каждый день без выходных, восемь раз в неделю снабжает народ очередной порцией сведений, большая часть которых, мягко говоря, шокирующая. Да, да, я не ошиблась, отлично знаю, что в неделе семь дней. Просто по средам «Желтуха» появляется дважды. Утром как ежедневник, а в районе обеда в виде еженедельника. Второй выпуск вместо восьми полос имеет тридцать две и представляет собой собрание сочинений репортеров за прошедшую неделю, снабженное некоей порцией новой информации.

Ступни заледенели, пальцы ног свела судорога. Наплевав на приличия, я скинула правую балетку и принялась разминать больное место, одновременно пытаясь успокоиться. Ну, Вилка, не стоит впадать в панику. Ты же отлично знала, что рано или поздно в прессе появится подобная статья, была готова к такому повороту событий, ждала его, так по какой причине сейчас трясешься, словно заячий хвост? Сделай пару вдохов-выдохов и не дергайся. Газета опубликовала фото? Ну и что? На них запечатлена светлокожая блондинка практически без макияжа. А на скамейке в метро сейчас пытается взять себя в руки смуглая шатенка, злоупотребляющая тенями для век и бордовой помадой. Да будь у меня родная мать, ей никогда бы не узнать дочь, но ее нет – есть лишь папенька, бывший вор с большим количеством отсидок за плечами, а ныне популярный артист. И зовут его Ленинид, «Желтуха», как водится, спутала отчество, я не Леонидовна. Имечко папаши расшифровывается как Ленинские Идеи[1 - Биография Виолы Таракановой детально рассказана в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», издательство «Эксмо».]. Я никогда не знала своего деда, но, похоже, тот был большим оригиналом, нарек сыночка вычурно. Интересно, когда «Желтуха» напишет обо мне новую статейку, лейтмотивом которой станет фраза: «Писательница Арина Виолова – генетическая уголовница, поинтересуйтесь биографией ее отца»? Кстати, Ленинид не скрывает свое криминальное прошлое, похоже, он им даже гордится. Во всех интервью папашка самозабвенно поет:

– Почему мне удаются роли криминальных авторитетов? Да потому, что я им в действительности был. Не один срок отмотал Ленинид Тараканов за серьезные дела, был влиятельным паханом.

Не верьте, он врет, вернее, сообщает лишь часть правды. Папенька – мелкий воришка, к уголовной элите никогда не принадлежал, тырил у граждан кошельки в общественном транспорте и регулярно попадал в лапы правосудия. Еще он обожал выпить и подраться, но в рукопашном бою Лениниду не везло, над ним брали верх даже хрупкие женщины. Сейчас ошибки молодости исправлены, папенька – звезда телеэкрана. Он очень не любит вспоминать, что его артистическая карьера началась совершенно случайно, во время съемок моего сериала. Ленинид считает себя куда более крупной знаменитостью, чем дочь, и если корреспонденты спрашивают: «Ой, а правда, что вы отец детективщицы Арины Виоловой?» – он с неподражаемой гримасой отвечает: «Да, начинающая писательница – дочь великого артиста Тараканова».

Ноги перестали трястись, я встала и вошла в вагон подкатившего к перрону поезда. Внутри было почти пусто, я устроилась на диванчике и осмотрела пассажиров. Трое с упоением читали «Желтуху», четверо уткнулись в книги Милады Смоляковой, один сосредоточенно играл на айпаде. Никто не обратил внимания на скромно одетую шатенку с дешевой сумкой в руке, не вскочил, не указал на нее пальцем, не заорал: «Это она! Держите скорей убийцу».

Но мне почему-то было страшно и очень неуютно, словно я сидела голая. Чем дольше ехал поезд, тем больший дискомфорт я ощутила. Народ входил-выходил, по моему лицу скользили равнодушные взгляды, пассажиры читали, играли, дремали, слушали музыку, болтали по мобильному. А я периодически поднимала руку и прижимала ее к небольшому медальону, и отчего-то мне делалось чуть спокойнее. Подвеска старинная, и с ней связана маленькая тайна. Если нажать сбоку на едва видимую пупочку, крышечка, украшенная вензелем «АБ», поднимется, и откроется небольшое углубление. В нем лежит бумажка с шифром. Я не способна запомнить комбинацию букв и цифр, открывающую сейф, где спрятана улика из сумки Литягина. Саквояж давно заброшен в моей квартире на антресоли. Даже если темно-коричневую сумку из прорезиненной ткани и обнаружат, то доказать, что она принадлежала Литягину, невозможно. Подобного барахла полно всюду. Купить его не составит труда, а вот ноутбук и улика – это бомба. Я закрыла глаза. В компьютере Литягина много интересного, там названо имя настоящего убийцы. Николай постарался составить свою версию событий, он знал, что бедного Ивана Радченко подставили, но никак не

мог доказать вину настоящего преступника. Обыватель может говорить: «Точно знаю, Ваня не виноват». Но для суда речевые обороты вроде «нюхом чую» или «я твердо уверен» не имеют ни малейшего значения. Положите на стол вещественные доказательства. Последних-то у Литягина и не было. Но адвокат не сдавался, он упорно бил лапками. Кто ищет, тот всегда найдет. Николай таки откопал улику, совершенно убойную, простите за глупый каламбур, стопроцентно связывающую настоящего преступника с жертвами.

Понимаете, что сегодня сотворила «Желтуха»? Преступник теперь готов отдать глаз, чтобы заполучить ноутбук и все остальное, и он знает, где искать компромат: у меня. Дело за малым – нужно обнаружить писательницу и отнять у нее наработки Николая.

Я продолжала изображать из себя спящую, но мысленно видела такую картину. Поздний вечер, на улице Шепихина ни души, я сижу в припаркованном под большим деревом джипе. Мотор не включен, габаритные огни и аварийка не горят, окна тщательно закрыты, из-за тонировки невозможно понять, что кто-то притаился в салоне. Кондиционер не работает, несмотря на поздний час. В Москве стоит жара, мне очень душно, но приходится терпеть неудобства. Кого я жду? Николая. Литягин всегда ходит пешком от метро к дому. Он устает от большого количества людей, которые крутятся в течение дня вокруг него, он принципиально никогда не отключает ни городской, ни мобильный телефоны, постоянно находится в состоянии боевой готовности, чтобы по первому зову кинуться на помощь человеку, обладает ярко развитым чувством справедливости. Уже давно Николай стал бельмом на глазу у прокуроров и следователей. Он постоянно разваливает дела, лишает их премий, помогает тем, кого хотят запрятать за решетку. Ну прямо Перри Мейсон[2 - Перри Мейсон – адвокат, главный герой книг Эрла Стенли Гарднера, борец за правду и справедливость.]! Думаю, многие обрадуются, узнав о преждевременной гибели юриста.

Вагон летел сквозь тьму, а меня одолевали воспоминания. Вот я выхожу из своей машины, аккуратно огибаю лужу темной крови, растекающейся из-под спины Литягина, сажусь на корточки, потом, затаив дыхание, засовываю руку в карман пиджака. Вытаскиваю мобильный, подхватываю сумку, открываю молнию, вижу внутри пакет и ноутбук, быстро иду к своему слегка помятому джипу, швыряю найденное в багажник и уношусь прочь. Жалко ли мне Литягина? Нет. В голове бьется лишь одна мысль: Вилка, сейчас ты должна все сделать правильно, не спеши, ни в коем случае не нарушай правил дорожного движения. Если тебя

остановит полицейский, дело плохо. Трясущимися от возбуждения руками я цепляюсь за руль и, стараясь не нажимать слишком сильно на педаль газа, доезжаю до скопища железных «ракушек». У стихийно возникшего гаража нет ни охраны, ни забора, а чуть левее простирается пустырь, где местные жители, не сумевшие обзавестись домиками для своих «коней», оставляют их на ночь. Припарковаться во дворах близлежащих домов – огромная проблема, если ты приехал с работы в районе девяти вечера, невозможно приткнуть у подъезда даже самокат. Но жителям Тушина повезло, у них есть этот клочок земли.

Я оставляю джип на краю пустыря, беру сумку и бегу, стараясь не заплакать от страха. Вдруг сейчас как из-под земли возникнет полицейская машина? Если на тебя напал грабитель или насильник, стражей порядка не дозваться, а вот когда не надо, они тут как тут.

Но в тот вечер удача оказалась на моей стороне. Я благополучно доехала до дома, засунула сумку на антресоль, запихнула плоский, почти невесомый ноутбук и небольшой пакет с уликой в свою сумку, ту самую, в которой ношу в «Элефант» рукописи, и упала в кровать.

Мой любимый человек, Юра Шумаков, весьма кстати накануне отправился в командировку на неделю, в большой квартире я нахожусь одна, никто не видел, когда я вернулась домой и что принесла с собой.

Утром я первым делом спрятала улику в надежном месте и положила бумажку с шифром-кодом от замка в медальон. Он всегда при мне, висит на шее, я ни за какие пряники не сниму его даже ночью. Вот ноутбук я пока далеко не убирала. Почему? Есть несколько объяснений, и одно из них: на жестком диске содержится много интересного – размышления Николая Семеновича, рассказ о том, как он искал подлинного убийцу. А это мой новый роман, без ноутбука я не смогу написать книгу, вот и пришлось рискнуть. И потом, основную опасность для серийного маньяка представляет улика, а она очень хорошо спрятана. Оставалось лишь подать заявление об угоне машины, но я не успела этого сделать.

После обеда, едва я поймала такси, чтобы ехать в отделение полиции, где мне предстояло изобразить убитую горем владелицу украденного джипа, затрезвонил мобильный.

– Виола Ленинидовна? – спросил приятный мужской голос. – Вас беспокоит следователь Георгий Львович Коровин. Можете подъехать?

– Зачем? – предусмотрительно поинтересовалась я.

– Надо поговорить, – обтекаемо ответил Коровин.

– По поводу? – не успокаивалась я.

– Ну, Виола Ленинидовна, что вы как маленькая, – укорил меня Георгий Львович, – автор криминальных романов должен понимать, по мобильной связи ничего серьезного не обсуждают.

– Ладно, – смилостивилась я, – в пятницу, в четыре, вас устроит?

– Нет, если можно, сейчас, – потребовал Коровин.

– Вынуждена отказаться, – буркнула я и с ходу соврала: – Я в издательстве, у нас совещание.

– Я вам перезвоню, – быстро пообещал Коровин и через четверть часа снова побеспокоил меня.

– Алло, Виола Ленинидовна? Снова Георгий Львович на проводе. Я соединился с редактором в «Элефанте», просил отпустить вас, а Олеся Константиновна удивилась, мол, Виоловой нет, и сегодня ее не ждут.

– Вы неправильно меня поняли, – начала я выкручиваться, – я только еду в сторону издательства.

– Лучше поменяйте направление движения и приезжайте ко мне, – уже не так вежливо продолжил Коровин. – А то я начинаю думать, что у вас есть причины избегать нашей встречи.

Делать нечего, пришлось подчиниться. Не успела я переступить порог, как Георгий Львович зафонтанировал вопросами. У вас тесные отношения с Николаем Литягиным? Нет? Почему тогда на автоответчике в его квартире есть

от вас сообщения?

Услышав про запись, я опешила, но быстро нашлась:

– Верно. Я хотела договориться с адвокатом о встрече, один из моих приятелей попал в беду, но не успела лично познакомиться с Литягиным, общалась с ним исключительно по телефону. Насколько помню, позвонила ему вчера и произнесла нечто вроде: «Это опять Виола, когда мы встретимся?»

Георгий Львович крякнул:

– Госпожа Тараканова, сейчас автоответчики цифровые, а не пленочные. Наши специалисты добыли из памяти аппарата более ранние ваши послания. Хотите послушать?

Не дожидаясь моего ответа, Коровин постучал по клавиатуре, и из компьютера раздался слегка искаженный голос: «Котик, ты где? Почему не отвечаешь? Забыл свою Вилку? Немедленно позвони, но только до семи, Юра придет с работы в четверть восьмого. Чмоки».

Я заерзала на стуле.

– Ладно. Я соврала. У нас с Николаем был небольшой роман.

– Вы не замужем, Литягин не женат, зачем же это скрывать? – совершенно искренне удивился Коровин.

Я опустила глаза.

– В загс я не ходила, но уже довольно долго живу с вашим коллегой, Юрием Шумаковым. Рвать отношения не собираюсь, Литягин – всего лишь мимолетное приключение. Николай тоже не относился ко мне серьезно, нас временно связала постель, просто секс без обязательств. Понимаете?

– Конечно, Виола Ленинидовна, – серьезно ответил следователь. – Я, к сожалению, не читал ваших детективов.

– Дело поправимое, – улыбнулась я, – могу подарить, в машине лежит пачка…

Продолжение фразы застряло в горле, Коровин изучающе смотрел на меня, я выдохнула и выдала:

– Да только джип вчера угнали, времени угона не назову. Приехала домой около семи вечера, запарковалась, а утром не нашла внедорожник.

– Очень жаль, – со странной интонацией произнес хозяин кабинета, – заявление подали?

– Не успела, – огрызнулась я, – вы настояли на визите к вам. Извините, не могу вам сейчас сделать презент в виде собственноручно написанного романа, книги испарились вместе с тачкой.

– Жена расстроится, – неожиданно сказал Коровин, – она ваша поклонница, не пропускает интервью Виоловой, ходит на ваш сайт. Кстати! Вы часто носите смешные сережки, в правом ухе фигурку девочки с книгой, в левом чайник. Небось они дорогие! Жена такие очень хочет. Уж извините, где вы их купили и сколько они стоят?

– Пластмассовые подвески я привезла из Парижа, – ответила я, – мои книги теперь изданы на французском. Сережки стоили десять евро, они копеечные, но оригинальные, таких в Москве ни у кого нет.

– Правда? – неожиданно обрадовался Георгий Львович.

– Фирма, которая производит эти украшения, очень маленькая, – снисходительно пояснила я, – семейная, в ней работают мать и две дочери. Девушки делают украшения, мать ими торгует. Меня в крошечный магазинчик привел французский редактор, туристы понятия не имеют о нем, в Россию этот товар не поступает, он штучный, двух одинаковых пар не бывает, редкий вариант дешевой и эксклюзивной бижутерии.

– Приятно обладать раритетной вещью, – кивнул Коровин и положил передо мной на стол прозрачный пакетик, внутри которого виднелась крошечная фигурка девочки в зеленом платье с книгой в руках. – Сделайте одолжение,

объясните, каким образом уникальное, неповторимое изделие попало на труп Николая Семеновича Литягина?

Глава 3

У меня зашумело в ушах, а лоб словно стянул кожаный ремень.

– Я его потеряла. Думаю, адвокат нашел, положил в карман, а потом, наверное, сережка вывалилась.

– Три! – вдруг произнес Коровин и растопырил пальцы на правой руке.

– Что? – не поняла я.

– Вы сейчас допустили три ошибки, – заявил Георгий Львович. – Первая. Серьга лежала у тела адвоката, в луже крови. Эксперт установил, что украшение упало в нее, а не было запачкано ею сверху. Поясню, что означают мои слова: кровь уже была на асфальте, когда в нее уронили серьгу, ее потеряли после убийства Литягина. Второе. Даже если вы скажете, что украшение не ваше, мы докажем обратное. На дужке с застежкой всегда остаются клетки эпителия хозяйки, из них можно получить ДНК. Анализ дорогой и долгий, но я обещаю, его сделают. И третье. Вы не удивились тому, что Николай мертв, новость вас не шокировала. Я не услышал ни оха, ни даже простого восклицания: «Как убит?» Похоже, вы уже знали новость, о которой пока не сообщала пресса.

Мне захотелось как следует себя отругать. Косяк! Еще одна подобная оплошность – и все пойдет прахом. Соберись, сосредоточься, внимательно следи за каждым своим словом и движением, не волнуйся, у тебя получится, мобилизуй всю свою фантазию, ум, силу воли и действуй.

Я вскинула брови.

– Вы неправы. Я ехала к вам, слушала в машине радио, и в новостях упомянули о трагической смерти Николая. Очень жаль его, Литягин был достойным человеком.

– Название радиостанции подскажите, – тут же потребовал Коровин.

– Понятия не имею, – отбила я подачу, – ведущая ни разу его не произнесла.

– Но у вас ведь угнали джип, – опомнился следователь, – на чем вы сюда прикатили?

Я снова отправила мяч на половину противника.

– Никогда не слышали про такси?

– Номера его, конечно, вы не помните, – вздохнул Коровин.

– Естественно, нет, – пожала я плечами, – стояла на краю тротуара, взмахнула рукой, притормозил «бомбила». Если вопросов более нет, то мне пора. Отсутствие сережки я заметила, думала, что оставила ее в раздевалке фитнес-центра.

– Джип угнали, а серьга потеряна, – съязвил следователь.

– Машину свистнули, подвеску кто-то присвоил, – уточнила я, – где этот человек потом уронил ее, я не знаю. Вероятно, он и убил адвоката.

– Сделаем анализ ДНК, – решил припугнуть меня Георгий Львович.

– Пожалуйста, – милостиво разрешила я, – но занесите в протокол: я не отрицаю, что носила девочку из пластмассы, наличие эпителия на застежке это подтвердит. Что случилось с украшением после того, как я его посеяла? А меня это не волнует. Любой адвокат растопчет вашу улику. Вам будет трудно привязать меня к убийству Литягина.

Коровин треснул кулаком по столу.

– Ты его переехала джипом! Мы найдем машину и обнаружим внутри твои отпечатки, волокна с одежды, мы докажем твое присутствие в салоне.

– Не стоит тратить скудные лабораторные средства на поиски очевидного, – твердо сказала я, – это же моя машина.

– Ничего, – пригрозил Коровин, – хорошо смеется тот, кто смеется последним. Только что мы закончили обыск квартиры Литягина. Знаешь, что мы нашли у него в сортире?

– Наверное, унитаз, ершик и рулон бумаги, – как ни в чем не бывало ответила я и встала. – Кстати, мне как раз надо в туалет. Я же не арестована?

– Пока нет, – буркнул следователь.

– Прекрасно, – сказала я, – сбегаю и вернусь.

– Сумку оставь, – приказал Коровин.

У меня внутри все тряслось от напряжения, в районе пупка булькало, левую ногу свело судорогой, но внешне я выглядела невозмутимой, как бронзовая статуя.

– Как вы смеете говорить со мной в подобном тоне? – воскликнула я. – Что за тыканье? Соображаете, с кем разговариваете? Я не нелегальный гастарбайтер, которого полицейский может безнаказанно пинать ногами! У вас есть ордер на изъятие моей сумочки? Предъявите – и получите ее.

Георгий Львович опомнился и дал задний ход.

– Виола Ленинидовна, у нас в сортире грязно, крючков нет, вы испачкаете красивую вещь, лучше ее в моем кабинете оставьте.

Я открыла кожаную планшетку, демонстративно добыла из нее пачку носовых платочков и сказала:

– Полагаю, с туалетной бумагой в санузле напряженка. Спасибо за заботу, сумка тут подождет. Внутри лежат мобильный, паспорт, кошелек с приличной суммой денег и дорогая косметика. Я могу не беспокоится за ее содержимое? Оно не испарится?

– Идите спокойно, – процедил сквозь зубы Коровин. – Женский сортир на первом этаже, я никуда из кабинета не денусь!

Я вышла в коридор и, изо всех сил сдерживая желание помчаться во весь опор, двинулась к лестнице. Сама знаю, где в здании дамская комната, несколько раз приходила сюда к Шумакову. Правда, Юра сидит в другом крыле, но вход-то один.

Ноги вынесли меня во двор, я смешалась с толпой людей, которые, радуясь окончанию рабочего дня, бодро шли к проходной. У меня нет подписанной следователем бумажки на выход, но я знают один фокус. Дойдя до турникета, я вытащила из кармана прямоугольник из пластика и прижала его к тому месту, куда сотрудники прикладывают свои пропуска. Послышался тихий щелчок, загорелась зеленая стрелочка, я толкнула никелированную рогульку. Прощай, Георгий Львович, надеюсь, более никогда не встретимся. Прости, пришлось тебя обмануть, но иначе никак нельзя. Мне совершенно не с руки маяться в следственном изоляторе. Там неуютно, плохо пахнет, отвратительно кормят, и маловероятно, что я встречу за решеткой добропорядочных, интеллигентных людей. Я знаю, что нашли в туалете у Николая! На стене прямо над унитазом висит большая доска, где прикреплено мое письмо к Литягину. Послание более чем откровенное, оно хоть и короткое, но емкое. «Колька! Ты скотина и мерзавец! Сукин сын! Из-за тебя я буду оштрафована издательством на большую сумму! Немедленно отдай мне материалы по делу Ивана Радченко! Ты обещал мне сюжет для романа, я заверила редактора, что сдам рукопись. А сейчас ты в кусты, негодяй! За такое и придушить можно. Имей в виду, если до среды я не получу бумаги, то возьму их сама, даже если для этого придется тебя убить. Твоя бывшая Вилка».

Моих отпечатков в квартире, этого письмеца и серег вполне достаточно для моего задержания, но у меня иные планы. Поэтому, Коровин, расстаюсь с тобой без сожаления. Надеюсь, ты когда-нибудь узнаешь, что коллеги наградили тебя прозвищем Головастик, его ты получил за редкостное тупоумие и полнейшее отсутствие сообразительности. Но и такие специалисты подчас очень нужны и полезны. А вот сумочку мне жаль. Прощайте, розовый дорогой кошелек с кредитками и купюрами, удобное зеркальце, мобильный телефон в чехле с надписью «Хелло, Китти», расческа с перламутровыми вставками, вовсе не копеечная губная помада, связка ключей и пять вкусных леденцов «Черная смородина».

Почему я оставила ридикюль в кабинете? Пришлось решать старую, как русские народные сказки, проблему: кошелек или жизнь. Над жадностью и тупостью Коровина давно подсмеиваются коллеги. Георгий Львович часто становится объектом не совсем добрых шуток. Ранней весной Шумаков показал мне на ютубе ролик: Коровин наклоняется, чтобы поднять лежащий в коридоре кошелек, а тот внезапно едет в сторону.

– Вот дурак! – захихикала я, глядя, как следователь пытается поймать «живой бумажник». – Он что, никогда не слышал о трюке с привязанной к кошельку леской? Мы в детстве так развлекались довольно часто, пока тетка Раиса не выдрала меня за баловство ремнем.

Юра махнул рукой.

– Жорка – долдон! Когда о деньгах думает, ум теряет. Ребята над ним подшутили и ролик в Интернет скинули.

Вот я и решила: лучший способ получить возможность удрать из кабинета без охраны – это оставить Коровину свою планшетку. Георгий Львович и помыслить не может, что кто-то способен уйти, бросив дорогие вещи. А еще я прямо сказала, что в кошельке много денег. Прихвати я сумочку с собой, в деревянной голове Коровина могли возникнуть ненужные подозрения. Он бы кликнул человека для сопровождения меня к унитазу. Но планшетка-то висит на спинке стула. Коровин уверен: это стопроцентный гарант моего возвращения. Сейчас Георгий Львович терпеливо ждет подозреваемую. Интересно, через какое время до него дойдет, что на свете все же существуют люди, способные ради спасения собственной шкуры поступиться кровно заработанными деньгами?

Я замахала рукой, у тротуара притормозили старые, дышащие на ладан «Жигули».

– Красавыц! Куда тэбе ехать? – с сильным акцентом спросил черноволосый мужчина и обнажил в улыбке золотые зубы.

Я сняла с пальца кольцо с фианитом и протянула шоферу.

– Денег нет. Возьмешь это в качестве платы?

Кавказец окинул меня быстрым взглядом.

– Брыльянт?

– Нет, – честно ответила я, – камень намного дешевле, думаю, перстень стоит тыщи две, но все равно тебе выгодно.

– Ай! Харашо, что не врешь, – обрадовался водитель. – Ирек разницу видит! Я дарагое от дешевки сразу отличу! Дагаварились!

Я влезла на заднее сиденье. Дребезжащий всеми частями своего старого, измученного организма автомобиль неожиданно резво покатил вперед. Я подавила вздох. Ну вот, теперь еще надо сказать «прощай» колечку. Хорошо хоть у меня не связано с ним никаких нежных воспоминаний.

Ехать по пробкам пришлось полтора часа.

– Эй, красавыц, вот твой улиц! – сказал наконец шофер. – Какой дом?

– Спасибо, выйду здесь! – встрепенулась я.

– Эй, красавыц, тут женщин вечером один ходить плохо, – проявил заботу водитель. – Сиды, довезу до дом.

– Тормози, – решительно приказала я и, высадившись среди конгломерата мрачных двухэтажных бараков, пошла вперед, разыскивая дом под номером семь.

Вход в квартиру украшала дверь, обитая по моде моего детства темно-коричневым дерматином, простегнутым металлическими шнурами. Кое-где дешевый кожзаменитель был порван, из прорех торчали клочья желто-серой ваты.

Я нажала на звонок два раза, потом, подождав, повторила, замерла, а затем энергично постучала в створку ногой.

– Кто там? – проскрипел тусклый голос.

– Маша к Ване, – ответила я.

Послышался скрип, появилась щель, в ней я увидела один глаз, часть щеки и нос.

– Хороша Маша, да не наша, – произнесли из квартиры.

– Ваня Машу знает, – сказала я, – Маша с пирожками.

Дверь отворилась. На пороге, опираясь на ходунки, стояла бабка в байковом халате и телогрейке. Одежду старуха заносила до невозможности, и пахло от нее совсем не розами, зато на ногах красовались совершенно новые мужские ботинки, размера этак сорок пятого.

– Входи, – велела она, – стой тут! Ванька! К тебе приперлись! Ходют и ходют! Покою нетуть! Помереть не дадут спокойно! Бегай им к двери! Ванька! Тебя, анафему, кличу!

Из коридора вышла тоненькая, хрупкая девушка.

– Бабуля, умереть ты еще успеешь, – сердито сказала она, – иди, пока живая, посмотри телик, там «Папиных дочек» повторяют.

– Ох, итить твою, опоздала! – огорчилась старуха и, громыхая ходунками, порысила в комнату.

– Что тебе надо? – нелюбезно поинтересовалась девица.

– Я к Ване, – сказала я.

– Кто прислал? – не дрогнула красавица.

– От Леонида Фомича через левую дверь к пятому шкафу, – произнесла я хорошо заученную белиберду.

– Иди за мной, – приказала девушка.

Я чихнула.

– Ну и запах у вас! Варите на ужин рагу из вороны?

– Нет, – не замедлила с ответом хозяйка, – кинули в кастрюлю пару болтливых языков.

Она распахнула, как мне показалось, шкаф и велела:

– Лезь.

Я всунулась в полутемное пространство, наткнулась на узкую железную лестницу и начала карабкаться по ступенькам. Голова уперлась в потолок.

– Чего застряла, шагай, – поторопила меня снизу девушка.

– Дальше хода нет, – ответила я.

– Сейчас будет, – пообещала она, и в тот же миг часть потолка бесшумно отъехала в сторону. Мне в глаза ударил такой яркий свет, что пришлось на секунду зажмуриться. – Ну, теперь что? – сердито поинтересовалась девица. – Топай в офис.

Я пролезла в образовавшийся лаз и выпалила:

– Ух ты!

Было от чего впасть в изумление. Со всех сторон на меня смотрели компьютеры, принтеры, сканеры и множество каких-то приборов, названий которых я не знаю.

Девушка тоже поднялась в мансарду и ткнула пальцем в стену. Отверстие в полу в секунду закрылось.

– Ну, говори, – приказала хозяйка.

– Мне бы Ваню, – ошарашенно произнесла я.

– Маня, я Ваня, – вздохнула девушка, – времени ни у тебя, ни у меня нет. Хватит резину тянуть!

– Ты стиратель? Я думала, это мужское занятие.

– Если я тебя не устраиваю, можешь идти искать мужика, – спокойно отреагировала Ваня, – плакать не стану.

Я без приглашения села на стул. Помните русские сказки? Добрая девочка Машенька помогает немощному старичку, исключительно по доброте душевной угощает его хлебушком, а несчастный дедуля оказывается могущественным волшебником, и получает Манечка от него счастья полной мерой.

Со мной в начале лета случилась похожая история, жаль, пока не могу рассказать подробности, потому что дала слово крепко держать язык за зубами. Но вы недоумеваете, зачем я пришла к этой хорошо законспирированной Ване? Ладно, попробую ответить.

Я, прямо как Маша из сказки, взялась помочь некой особе, а у нее оказались огромные, буквально неограниченные возможности, и мне было сказано:

– Если тебе понадобится спрятаться, изменить внешность, биографию, обратись к Ване. Это лучший стиратель России.

– Кто такой стиратель? – не поняла я.

– А еще детективные романы пишешь, – укорил тот, кому я согласилась помочь. – Стиратель уничтожает, «стирает» твою прежнюю личность и создает новую. Ваня ас, работает безупречно.

И вот настал день, когда мне пришлось использовать полученный контакт. Вас интересует, кому я помогла? Что сделала? Это не моя тайна, раскрыть ее не имею права. Может, позднее расскажу. А пока просто знайте: я затвердила адрес и кодовые фразы – пароль для специалиста, который «сотрет Тараканову» и создаст мне новую биографию.

Глава 4

Ночевать пришлось здесь же на узком неудобном диване. На следующий день офис стирателя около пяти часов вечера покинула смуглая шатенка с излишне ярким макияжем. Ваня не только виртуозно обращалась с техникой, но и покрасила мои волосы в темный цвет. В хорошо оборудованной ванной у девушки нашлось много всего, включая автозагар и почти промышленные запасы косметики.

– Трудно привыкнуть к новому имени, в особенности если нет опыта, – внушала Ваня, смывая с моей головы пену, – получишь паспорт на какую-нибудь Физдипеклу Козоногову-Задунайскую и проколешься. Спросят тебя:

– Девушка, как вас величать?

А ты по привычке ляпнешь:

– Виола!

Конечно, всегда можно выкрутиться, объяснить потом:

– В документе стоит Физдипекла, Виолой меня в детстве для удобства звали!

Но кое у кого вопросы возникнут. Поэтому я подобрала тебе личность Виолетты Тарановой. Буркнешь, что зовут Виолой, никто не удивится: запросто за сокращение от «Виолетты» сойдет. Вот только Вилкой не представляйся, забудь. И Таранова – Тараканова похоже звучит. Переспросит кто:

– Как-как ваша фамилия? Говорите, Тараканова?

А ты, глазом не моргнув, спокойно говори: «Вы не расслышали, Таранова, без слога «ка». Виолетта, правда, на несколько лет моложе тебя, но ты неплохо выглядишь.

– Кто она, эта Таранова? – на всякий случай уточнила я. – Не появится на горизонте? Не уличит меня в присвоении своей личности?

– Не должна, – совершенно серьезно сказала Ваня. – Потому как в возрасте шестнадцати лет из дома удрала. Родители Леонтий Сергеевич…

– Она еще и Леонтьевна, – обрадовалась я, – вот совпадение! Здорово на Ленинидовну смахивает.

Ваня хмыкнула.

– Ага! Прямо чудом станцевалось! Не идиотничай! Я горы бумаг перелопатила, пока вычислила Виолетту Леонтьевну Таранову.

– Прости, – тихо сказала я.

– Проехали, – кивнула Ваня, – вот новая биография, постарайся ее выучить. Мой тебе совет: особенно о предках не распространяйся. Начнет кто любопытничать, отвечай коротко: я сирота. Ну, а теперь читай, будут вопросы, задавай.

Я пробежала глазами по тексту. Леонтий Сергеевич Таранов, учитель математики, Галина Николаевна Таранова, преподаватель биологии, оба работали в одной школе. Жили, похоже, счастливо и умерли в один день, даты смерти совпадали – 15 июня.

Я оторвалась от листка.

– Почему они ушли из жизни вместе?

Ваня почесала нос.

– Хороший вопрос. В свидетельстве о смерти теперь не пишут причину. Раньше указывали, допустим, «острое нарушение мозгового кровообращения», а сейчас просто число стоит. Вероятно, авария, катастрофа, пожар. Но Виолетте Тарановой эти подробности неизвестны.

– Почему? – удивилась я.

– Дальше читай, – чуть повысила голос Ваня.

Я покорно уткнулась в текст. У Тарановых было четверо детей, как по заказу – одни девочки. Старшая – Виолетта, потом через год родилось по сестре: Ксения, Роза и Людмила.

– Ну, поняла? – спросила Ваня.

Я постучала пальцем по странице.

– В шестнадцать лет Виолетта исчезла. Вот тут копии заявлений ее родных в милицию. Галина Николаевна спохватилась лишь в восемь вечера; по расчетам матери, Виолетта должна была до семи находиться в кружке при институте, где готовят педагогов. Старшая дочь собиралась, как родители, стать учителем. Вот только девочка пропала. Отец с матерью, судя по количеству отнесенных в разные места заявлений, упорно искали Виолетту. Но не нашли. Спустя положенный по закону срок Таранову признали умершей.

– Леонтий и Галина – покойники, – деловито сказала Ваня. – Судьбу сестер Виолетты я не уточняла. Зачем тебе забивать голову информацией, которую по легенде ты знать не должна? Да и о смерти родителей старшей сестре не должно быть известно, это я уж так, на всякий случай, сообщила, чтобы ты не волновалась. Самых близких людей, способных даже через много лет после разлуки опознать дочь, в живых нет. Живи спокойно с новым паспортом. Что же касается сестер, то, конечно, есть шанс с ними столкнуться, бывают в жизни всякие казусы. Будешь действовать по обстоятельствам, но, надеюсь, ничего экстремального не случится. Главное, много о себе не болтай. Чем меньше сообщишь подробностей из прошлого, тем целее будешь.

– А что случилось с Виолеттой? – никак не могла успокоиться я.

Ваня рассердилась.

– Удрала от родителей, попала в руки сексуального маньяка, была сбита машиной, связалась с плохой компанией, умерла от наркоты – вариантов куча, и все плохие. Уж поверь мне, если девочка не объявилась, значит, ей кирдык. Теперь о бытовой стороне вопроса. Вот адрес квартиры, там ты снимаешь

комнату. Держи телефон Михайлова Вадима Ивановича, он возьмет тебя на работу.

– Кем? – деловито уточнила я.

– Президентом, – съязвила Ваня, – будешь сидеть в Кремле, указы подписывать, на кортеже с мигалками кататься, без пробок по МКАД полетишь! Круто? А кем тебя со средним образованием можно пристроить? Уборщицей?

– Знакомая должность, – кивнула я, – когда-то мыла полы в разных организациях.

– Я получше тебе местечко нарыла, – хихикнула Ваня, – провокатором станешь.

Вот тут мое изумление зашкалило за все разумные пределы.

– Кем-то вроде Мальчиша-Плохиша?

Ваня кивнула.

– Точно.

– Издеваешься? – фыркнула я.

– Вовсе нет, – улыбнулась она. – Михайлову принадлежит фирма, которая рассылает по разным магазинам покупателей-провокаторов. Ну, допустим, ты владелица обувной точки и хочешь узнать, хорошо ли продавцы клиентов обслуживают. Как это осуществить? Камеры повесить? Или самой все время в зале толкаться? Первое дорого, второе неудобно, да и в присутствии хозяйки менеджеры – слаще вафли. Стоит церберу уйти, вот тут-то и начинается! Покупатели побоку, занимается персонал личными делишками, на тех, кто за туфлями заглядывает, зубы скалят. Вот поэтому бизнесмены обращаются к Вадиму Ивановичу. Его сотрудники обвешиваются специальной аппаратурой и рулят по указанному адресу, изображая из себя покупателей, капризных, избалованных, наглых, провоцируют продавцов на скандал. Ну, а потом отдают видеозаписи заказчику. На мой взгляд, это лучше, чем шваброй махать…

Я вынырнула из воспоминаний, оглядела вагон метро и аккуратно поправила крупную брошь, прикрепленную к воротнику. В ней спрятана камера. Надеюсь, продавщице Нине, пожалевшей старичка, купившего вместо пельменей сливочно-помадное печенье, не влетит за ее доброту от хозяина магазинчика. Я бы с удовольствием стерла эту запись, но, увы, у меня в кармане есть пульт только с одной кнопкой. Я могу включить аппаратуру или прервать ее работу, более ничего.

Добравшись до офиса, я отнесла торт с пирожным в холодильник. На кухне сидела коллега, Алена Косорукова, которая тут же спросила:

– Чего хорошего купила?

Я показала коробки.

– Торт в подарок квартирой хозяйке на день рождения, себе пироженку. Сейчас отрапортую начальству о проделанной работе и полакомлюсь.

– С твоей фигурой можно лопать тирамису каждый день, – вздохнула Алена, – а я опять сижу на диете.

– Чем меньше думаешь о том, как стать стройной, тем скорее превратишься в газель, – сказала я.

– То бишь в грузовик? – захихикала Косорукова.

Я улыбнулась и пошла отчитываться перед Вадимом Ивановичем. Доклад завершила фразой:

– Попросите заказчика не штрафовать Нину.

– Она не должна бесплатно раздавать товар, – буркнул Михайлов.

– Продавщице стало жалко старичка, – не успокаивалась я.

– Ступай, Таранова, – отмахнулся шеф, – завтра подъезжай к десяти, не опаздывай.

Я пообещала ему быть точной, как Восточный экспресс, и поспешила в туалет: перед тем как насладиться чаем с пирожным, надо помыть руки.

Из бутылочки с жидким мылом не выдавилось ни капли, похоже, маленькая дырочка, через которую гель вытекает наружу, засорилась. Я начала трясти емкость, колпачок отскочил, на ладонь выплеснулось слишком много пахнущей персиком массы. Следующие четверть часа я старательно избавлялась от сугробов пены, которые упорно возникали на руках. Средство оказалось на удивление мылким. В конце концов с неприятностью удалось справиться, и я заторопилась к холодильнику. На полке стоял только тортик, пирожное пропало.

– Эй, чего надулась? – спросила Косорукова, входя на кухню.

Алена очень вкусно готовит. Она постоянно притаскивает слоеные пирожки, сырники, всякие самодельные консервы.

– Ешьте, ребята, – радушно угощает она всех, – наготовила от души, сама на диете сижу. Расстраиваюсь, если харчи пропадают.

Кулинария для Косоруковой – любимое хобби, она постоянно вырезает из газет и журналов рецепты, а потом встает к плите. Вот только дома ее стряпню оценить некому. У Алены нет ни детей, ни мужа.

– Видок у тебя обескураженный, – констатировала она, швыряя на стол несколько газет. – От Вадима досталось? Опять камеру включить забыла?

– Нет, – ответила я, – больше не допускаю досадных промахов. Пирожное пропало!

– Вкусное? – спросила коллега и почему-то хихикнула.

– На вид да, – вздохнула я, – вроде «Картошки», я такие очень люблю. Купила сегодня торт, у квартирной хозяйки день рождения, и не удержалась, взяла для себя сладкое. Ну теперь и нет его!

– Ничего удивительного, – фыркнула Алена и взяла со стола «Желтуху», – у Козы спроси, куда оно подевалось.

И она весело засмеялась. Мне ее реакция показалась странной, что веселого в украденном пирожном?

Я села к столу.

– Думаешь, Козлова без спроса чужую еду взяла?

– Я не думаю, а знаю, – пропела Алена. – Она давно такое проделывает. Стырит с полки и сожрет втихаря. Вот от целого торта не отрежет, батон колбасы не тронет, а что-то небольшое, например творожный сырок или йогурт, за милую душу схомячит. Тут все про ее замашки знают.

– И ни разу не поймали ее за руку? – удивилась я. – С нашими возможностями? Надо взять видеокамеру…

– Таранова, – понизила голос Алена, – ты до сих пор не поняла, что Верка Козлова – любовница Вадима?

– Нет, – растерянно ответила я. – Михайлов ведь женат, его супруга Карина Егоровна наш главный бухгалтер.

Косорукова снова захихикала.

– Ну ты даешь! Вадим Иванович давно с Верой спит, поэтому с ней народ дружить старается. Коза та еще стерва! Ой, смотри какой суперрецептик! Запеканочка из капусты с ветчиной! Веруся, ты такую ела?

Косорукова отложила ежедневник и обернулась. Я тоже посмотрела в сторону двери. Остается лишь удивляться острому слуху кулинарки – я не уловила звука шагов.

– Не люблю свинину, – сквозь зубы процедила Вера и пошла к подоконнику, на котором стоял электрочайник.

– Пить хотите? – улыбнулась я.

– Жажда замучила, – ответила Козлова, – и слегка подташнивает.

– Это от сладкого, – вкрадчиво пропела я.

– Не люблю его, – солгала Вера, – никогда конфеты не покупаю.

– Вы кофточку измазали, – не успокаивалась я, – вон там, с левой стороны груди, коричневое пятнышко.

Козлова сделала попытку рассмотреть отметину.

– Где?

– Слева, – повторила я, – вы очень торопились, когда лопали чужое пирожное, вот и уронили кусочек на блузку.

Вера покраснела и вскинула подбородок.

– Намекаешь, что я воровка?

– Прямо говорю, – спокойно подтвердила я, – вернее, мелкая тырщица, которая без зазрения совести лакомится чужим. Может, вам обратиться к психотерапевту? Они помогут справиться с проблемами поведения!

– Мне и в голову не пришло бы взять «Картошку»! – взвизгнула Козлова. – Пятно от губной помады!

Я улыбнулась.

– Врать надо уметь. У вас губы намазаны розовым блеском, а отметина на блузке цвета горького шоколада. И откуда вы знаете, что в пакетике была «Картошка»?

Из груди притихшей Алены вырвался нервный смешок, Козлова раздула щеки, скрестила руки на животе и взвизгнула:

– Ну, хватит! Ты тут больше не работаешь! Наглая сволочь!

Я сделала шаг вперед.

– Нет, это ты здесь больше не работаешь! Сейчас пойду к Вадиму Ивановичу, опишу ему ситуацию, он вызовет полицейских, они возьмут твою блузку на анализ, убедятся, что пятно от пирожного, и задержат тебя!

Верка резко повернулась и унеслась в коридор.

– Ну ты даешь, Таранова, – протянула Алена, – так из-за ерунды завестись! Верушка, подожди! Ты куда побежала?

Косорукова ринулась за любовницей шефа, а меня охватило недоумение. Вилка, ты что? Почему так разнервничалась? Никакое пирожное не стоит потраченных нервов. Надо успокоиться и сгладить конфликт, я не могу поменять работу, зря решила уличить любовницу босса, аукнется мне глупое поведение. Единственное, чем могу оправдать свой срыв, это стресс, который я испытала из-за статьи в «Желтухе». Спокойно, Вилка, временно забудь про Литягина, лучше думай, как помириться с Верой.

Глава 5

Но почему-то ничего путного в голову не приходило. Я машинально взяла забытый Аленой на столе еженедельный выпуск «Желтухи», развернула его и вздрогнула. Третью полосу украшало сообщение: «Подозреваемая в убийстве адвоката писательница Арина Виолова найдена мертвой на даче». Желая поместить на странице как можно больше информации, редакция напечатала текст слишком мелким шрифтом, и мне пришлось напрячь зрение.

«Вчера поздно вечером в поселке Форкино загорелся дом. Приехавшие пожарные быстро справились с огнем. Внутри здания был найден сильно обгоревший труп женщины. При погибшей обнаружены документы на имя Виолы Леонидовны Таракановой, творческий псевдоним Арина Виолова. Следственные органы выясняют причины возникновения огня. Компетентный, но пожелавший остаться неизвестным источник сообщил нашему репортеру: «Тараканова понимала, что ее непременно найдут и посадят. Вот и решила свести счеты с

жизнью. Приехала в принадлежавшую ей избу, выпила водки и отравилась угарным газом от печки. Пожар случился, когда писательница была уже мертвой».

Мы попытались связаться с единственным родственником Виолы, известным российским актером Леонидом Таракановым, но он оказался недоступен. По непроверенным данным, у отца писательницы инфаркт, еще он, вероятно, впал в депрессию и тоже думает о самоубийстве».

Я скомкала бульварный листок. Да уж! Я сегодня герой «Желтухи». В утреннем выпуске одна статья про меня, в еженедельном издании другая. Избушка в Форкино некогда принадлежала воспитавшей меня тетке Раисе. После ее смерти домик достался мне, если честно, он больше напоминал курятник и расположен в одном из самых плохих по экологии мест Подмосковья, недалеко от Шатуры, там постоянно горят торфяники. Из Форкино давным-давно убежали жители. В последний раз я наезжала туда… дай бог памяти в каком году. И «Желтуха», как обычно, перепутала имя папеньки, а заодно и мое отчество. Но остается маленький шанс, что она не солгала по поводу угнетенного душевного состояния папашки.

Я потерла рукой лоб, вытащила из сумочки мобильный и набрала знакомый номер.

– Пресс-секретарь лучшего артиста России на трубке, – торжественно заявил папенька.

Несмотря на серьезность ситуации, мне стало смешно. Никаких служащих у бывшего уголовника нет, он сам отвечает на вызовы.

– Здравствуй, Ленинид!

– Это кто? – слегка изменил тон папенька.

– Виола Тараканова, – представилась я.

– Ох ты, ё-моё, – зашипел он, – чего надо?

– Прочитала в газете, что у тебя плохо с сердцем, – сказала я, – мол, ты услышал о преждевременной кончине дочери и разнервничался. Решила тебя успокоить, я жива.

– Не сомневаюсь в твоем умении вылезти чистой из дерьма, – разозлился папенька, – не верь папарацци! Избрехались совсем! Какого черта трезвонишь?

– Послушай, – мирно начала я, – хочу…

– Денег нет, – перебил меня папенька.

– Пойми…

– Ни копейки не получишь, – снова не дал договорить мне Ленинид, – я сам в долгах. Короче, забудь мой телефон. Навсегда! Более не обращайся! Не порть мне биографию.

Я испытала сильное желание швырнуть мобильный в стену. От глупого поступка меня остановил элементарный расчет: если я превращу сотовый в кучу пластмассовых осколков, купить новый будет не на что. Поэтому я ограничилась вопросом:

– Как же я могу тебе навредить?

– Так уже поднасрала! – возмутился папашка. – Журналюги у подъезда топчутся, телефон мне оборвали!

– Ты всегда хотел побольше пиара, вот и хлебай его полной ложкой! – не утерпела я. – Купайся в лучах славы!

– Дура, да? – взвизгнул Ленинид. – Я снимаюсь в лучших сериалах российского производства! Их смотрят семьей, вместе с детьми и престарелыми родителями! Моя фамилия никак не может быть связана с криминалом, я человек с кристальной репутацией! И вдруг дочь-преступница. Из-за тебя я потеряю рейтинг. Зрительницы спросят: может ли Ленинид дать нам хороший совет, если воспитал убийцу? Объясняй им потом, что я всю душу в девчонку вложил, а у той кривая мамашкина натура отличные отцовские качества победила.

На короткое мгновение я лишилась дара речи, потом спросила:

– Ау, дорогой отец! Когда я была маленькой, ты сидел по зонам, изучал географию России, переезжая из одного места заключения в другое. Мы с тобой познакомились, когда я стала взрослой[3 - История отношений Вилки и Ленинида описана в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», издательство «Эксмо».]. Какой у гражданина Тараканова общий срок? Вроде более двадцати лет, прости, если ошиблась. И ты охотно рассказывал о своем тюремном опыте корреспондентам.

– Я жрал от голода плесневелые сухари, – проныл папашка, – нищета толкала на воровство. А ты убила уважаемого человека! Сперла у него документы. Ты мне не дочь! Немедленно смени фамилию!

– Непременно, – вздохнула я, – прямо сейчас этим займусь.

– Лишаю тебя права быть наследницей графского рода Таракановых, – торжественно заявил Ленинид.

Вот здорово! Оказывается, папашка-то из дворян! Ну кто бы мог подумать! То-то он всегда путается, когда рассказывает о своих родителях, вечно называет разные имена матери. Она у него иногда Анна, порой Надежда, подчас Елена. Горькая правда состоит в том, что Ленинид, похоже, не был знаком со своими отцом и матерью. Все сведения о родне у меня исключительно от папеньки, а он патологический врун.

– Запрети своему хахалю про меня говорить! – разошелся папашка. – Вчера до меня из «Желтухи» дозвонились, сказали, что Шумаков на вопрос: «Можете прокомментировать ситуацию с Ариной Виоловой?» – ответил: «Я ей никто, обратитесь к ее отцу, Ленинидy Тараканову». Так вот, я тебе никто…

Я нажала на красную кнопку и попыталась успокоиться. Ну, Вилка, чего ты ожидала? Слов: «Дорогая доченька, я тебя люблю и непременно поддержу в тяжелой ситуации»?

Я посмотрела на телефон, вздохнула и начала кропать эсэмэс: «Прости меня, Ленинид. Мне очень тяжело и страшно, на меня идет охота. На всякий случай называю тебе имя маньяка. Борис Федорович Никитин, он депутат, человек со

связями и не пожалеет средств, чтобы найти меня. Он подставил Ивана Радченко и меня загонит, как дичь. Если твою дочь убьют, огласи его имя. Твоя Вилка».

Эсэмэска улетела, я поежилась. Когда совершаешь резкий поворот в своей судьбе, неплохо бы подумать о близких людях, на которых непременно отразится твое поведение. Представляю, в какой панике сейчас Юра. Может, как-то осторожно намекнуть ему, что информация в газете – ложь? Нет, нельзя общаться с ним ни в коем случае, нужно выбросить из головы глупую мысль. Я не имею права на ошибку. Но рука помимо воли начала нажимать на кнопки. Только послушаю голос Шумакова, пойму по его тону, как он поживает.

– Шумаков, – сердито грянуло из трубки.

– Милый, здравствуй, – тихо сказала я.

– Да, – невпопад ответил Юра.

– Это я.

– Да.

– Виола.

– Да.

– Ты, наверное, видел статью в ежедневнике «Желтуха», – зачастила я, – понимаешь, пасквильное издание сегодня выходит аж два раза. Хочу тебя порадовать, я жива-здорова.

– Да.

– Скоро вернусь, и у нас все будет хорошо.

– Нет.

Я опешила.

– Извини, не поняла.

В трубке раздался шорох, скрип, потом вновь прорезался баритон Юры:

– У меня большие неприятности. Стоит вопрос об увольнении.

– Ой, милый, мне так жаль, – прошептала я, – что случилось?

– Моя сожительница Виола Тараканова разыскивается по подозрению в убийстве, – отчеканил Юра.

– Я не была твоей супругой, – грустно сказала я, – у тебя чистая анкета. Но даже если б был в паспорте штамп, муж за жену не отвечает.

– Детский лепет, – отрезал Юрий, – учитывая наши некогда хорошие отношения, даю тебе последний совет. Явка с повинной поможет смягчить твою участь.

Меня охватила черная тоска. А еще говорят, что снаряд дважды в одну воронку не падает. Не верьте. В моем варианте сработал закон парных чисел. В свое время меня уже обвиняли в совершении преступления, из-за той истории я потеряла мужа, майора Олега Куприна[4 - Эта ситуация описана в книге Дарьи Донцовой «Зимнее лето весны», издательство «Эксмо».]. Получите дежавю. Теперь с треском лопаются отношения с Юрой, кстати, он тоже майор, коллега Куприна. Вот только в первом случае я страстно отрицала свою вину и не имела никакого отношения к преступлению. А сейчас придется говорить совсем иное.

– Ну, ты пойми. У меня творческий кризис. Сюжеты закончились.

– Трагедия! – воскликнул Юра. – Настоящая драма!

– Да! – подтвердила я. – Ты прожил со мной довольно долго, неужели не понял, как я боюсь потерять место на литературном олимпе?

– Было бы чего терять! – фыркнул Шумаков. – Кропаешь идиотские истории, не имеющие ничего общего с реальной действительностью, написанные корявым

языком.

– Больше я ничего не умею, – тихо произнесла я. – Если не смогу писать эти глупости, умру. И они нас кормят, помогают выплачивать кредит за квартиру, вести достойный образ жизни, ездить отдыхать в приличные места.

– Пожалуйста, говори исключительно о себе, – холодным тоном заявил Юрий. – Я у тебя ничего не просил, квартиру ты покупала самостоятельно, следовательно, и долг банку тебе возвращать. Меня рядом при этом не было. И я постоянно предлагал деньги на хозяйство, клал в кухне часть своей маленькой зарплаты. Конечно, мои доходы не сравнимы с твоими гонорарами, но я не был нахлебником.

– Ну выслушай меня. Я поступила глупо, набрала долгов, запуталась, книги не писались, издательство просто так денег не дает. У них есть одна литераторша, некогда весьма популярная, а сейчас сбитый летчик, но с именем. Так вот, ей хозяева «Элефанта» определили нечто вроде пенсии. Сдает бывшая звезда раз в пять лет рукопись или нет, все равно выплачивают ей оговоренную сумму. Но у той дамы есть ушлый агент, который выбил ей эти шикарные условия. Со мной все иначе, что натопали, то и полопали! Я была в отчаянии, у меня земля из-под ног уходила…

– И поэтому ты прыгнула к Литягину в койку! – перебил меня Юра.

– Юра! – закричала я. – Ты все не так понял! Ну послушай меня! Пожалуйста! Сейчас расскажу всю правду!

– Готово! – прогудел из телефона на заднем плане хорошо знакомый мне голос эксперта Лени. – Юр! Хватит бла-бла!

Из трубки понеслись частые гудки. Я стояла с пищащим мобильником в руке. Вот оно как! Только мне на жизненном пути попадаются спутники, не способные ни понять, ни простить женщину? Почему Шумаков не захотел вникнуть в мои проблемы? Отчего он не вспомнил про разговоры, которые мы вели? Неужели вычеркнул из памяти мои слова о любви, верности, ревности? Я была с Юрой всегда откровенна, и мне казалось, что он отлично изучил меня. Ну-ка, перевернем ситуацию наоборот. Я узнаю, что мой любимый человек, дабы не потерпеть крах в жизни, убил девушку, с которой имел кратковременную связь.

Как я поступлю? Для начала не поверю в произошедшее, потому что знаю: Юра не способен жить одновременно с двумя женщинами, ну так он устроен.

– Умирает! Помогите! – завизжал из коридора истерический дискант. – Люди! Скорей!

Я сбросила оцепенение и полетела на зов.

В нашем офисе один туалет. Сотрудников не так много, в основном женщины, поэтому санузел очень чистый и даже украшен вазой с искусственными цветами. Но сейчас от нее остались одни осколки, пластмассовые ромашки разлетелись по полу, одна лежала прямо у головы Веры. Козлова скрючилась в позе эмбриона возле рукомойника, над ней стоял Вадим Иванович и вопил благим матом. В минуту стресса Михайлов растерял всю свою вальяжность, а вместо баса из его горла вырывался детский дискант. При виде меня шеф заорал еще громче:

– Она умерла!

Я схватилась за стену, присела около Козловой на корточки, приложила два пальца к ее шее и радостно констатировала:

– Вера жива, вызывайте «Скорую».

– Помогите! – немедленно сменил пластинку босс. – Врача! Живо!

Доктора приехали на удивление быстро и не стали терять времени. Веру положили на носилки и потащили к выходу.

– Что с ней? – рискнула спросить Алена.

– Сердце, – безапелляционно ответил парень в темно-синей форме. – Инфаркт.

Я хотела поинтересоваться у юного специалиста, каким образом он ухитрился за одну минуту поставить диагноз. Врач не делал кардиограмму, не мерил давление, даже не приложил к груди Козловой стетоскоп. Бросил на нее взгляд – и вынес вердикт. Остается надеяться, что парнишка ошибся и в больнице более опытные коллеги желторотого Гиппократа выяснят причину ее глубокого

обморока.

– Инфаркт? – пробормотала Алена, когда носилки с Козловой исчезли из зоны видимости. – Верке тридцать один год. И не жаловалась она никогда на мотор. От поноса можно сильно заболеть? Если желудок вдруг расслабится, сердце работу нарушит?

– Козлова не стала бы есть пирожное, – удивилась я, – при неприятностях с кишечником держат диету.

– Некоторые едят сладкое всегда, невзирая на состояние, – произнесла полная женщина в слишком узком, совершенно не подходящем ей ни цветом, ни фасоном, ни размером платье.

– Здрасcти, Карина Егоровна, – подобострастно произнесла Алена и трясущейся рукой стала поправлять волосы. – Какое у вас платьице красивое.

Главный бухгалтер улыбнулась.

– Спасибо. Вадим Иванович купил.

– У вашего мужа отличный вкус, – тут же подлизалась к супруге начальника Косорукова.

Мне захотелось добавить: и полное неумение правильно оценить объемы законной супруги. Но, естественно, я промолчала.

– Что вы, девочки, стоите с перевернутыми лицами? – спокойно спросила Карина Егоровна, ополаскивая кружку из-под чая.

– Вы не в курсе? – с изумлением воскликнула Алена. – Веру увезли.

– Кого? – уточнила главбух.

– Козлову, – подсказала Косорукова, – вроде инфаркт у нее.

– Ай, какая неприятность, – весело произнесла супруга шефа. – Говорила я ей: «Вера, не надо скакать лошадью, уж не девочка, на четвертый десяток перевалило». Идите-ка, займитесь делом. Козловой сейчас хорошо, катится в машине в больницу, отдыхает, а остальным надо работать не покладая рук, нам так не подфартит, лишнего отпуска не достанется. Решайте, кто из вас сейчас повезет нашей налоговичке бумаги?

– На дом? – почти с ужасом воскликнула Алена.

– Естественно, – пожала плечами Карина Егоровна. – Думаю, Светлана Сергеевна не обрадуется, если мы припрем ей конвертик на службу. Не задавай идиотских вопросов, собирайся.

– Антонова живет на краю света, – заныла Алена. – К ней надо ехать на метро, потом на автобусе. Я собралась в кино сходить.

– Отличная идея, – улыбнулась главбух, – сходишь в другой раз.

На лице Алены возникло такое несчастное выражение, что я помимо воли сказала:

– Давайте я съезжу, у меня никаких планов на вечер нет.

– Мне все равно, кто отправится к Светлане Сергеевне, – согласилась Карина.

Алена запрыгала от радости.

– Спасибо, Виолетта.

– Ерунда, – улыбнулась я, – только назовите адрес.

– Сейчас напишу, – пообещала главбух.

– Тортик не забудь, – напомнила Алена. – Хочешь, дам тебе большой пакет? Поставишь его внутрь, удобно будет.

Я вздохнула. Уже запамятовала про десерт, неудобно с бисквитом толкаться в транспорте, но делать нечего. Хотя, может, поступить иначе?

Я повернулась к Алене.

– Как ты думаешь, если я оставлю торт в холодильнике до завтра, его никто не тронет?

– Раз Козловой нет, то никто, – ответила Косорукова и тут же удивилась: – Погоди, ты же говорила, что у квартирной хозяйки сегодня день рождения?

– Верно, – подтвердила я, – но гости соберутся завтра, сегодня торт не понадобится.

– Не волнуйся, – сказала Алена, – он чудесно переночует в холодильнике.

– Я хотела его отдать вечером Наине, – пробормотала я, – но, наверное, лучше вручить завтра, да и не следует возить бисквит в метро, потом на автобусе, еще испортится.

Поездка к Антоновой заняла почти четыре часа. Домой я приплелась около полуночи и так устала, что даже не пошла пить чай. Шмыгнула тихонько в свою комнату, разделась, хотела лечь спать, но была остановлена звонком мобильного.

– Это ты? – прошептал в трубку незнакомый женский голос.

– Вам кого? – спросила я.

– А ты кто? – насторожилась незнакомка.

– Виолетта Таранова, – представилась я.

– Позови Андрюшу, – всхлипнули из сотового.

– Какого Андрюшу? – не поняла я.

– Филимонова, – еле слышно уточнила женщина.

– Извините, вы ошиблись номером, – сказала я, – здесь такого нет.

– Постой, не вешай трубку, – заныла собеседница, – он просил так сказать, если я позвоню. Говоришь, ты Виолетта?

– Да, – подтвердила я.

– Галя, – представилась звонившая, – Галина Иванова. Слышала обо мне?

– Это имя не редкость, – вежливо ответила я, – фамилия тоже распространенная.

– Виолетта оригинальнее, – вздохнула Галя, – а как твоя фамилия?

– Таранова, а что? – зевнула я.

– Красиво, – вздохнула Галя. – Виолетта Таранова. Ну попроси Андрея подойти. Мы с ним глупо поругались, он меня на три буквы послал, я четыре месяца терпела, надеялась, что позвонит, а он исчез. Погоди! А ты ему кто? Почему отвечаешь по телефону Петрова? Ну я дура! Ты его новая баба! Андрей завел другую! Быстро он!

Галя зашмыгала носом.

– Успокойся, – сказала я, – никакого Андрея тут нет. Я недавно приобрела симку с этим номером. Про твоего драгоценного ничего не слышала.

– Не врешь? – всхлипнула Галя.

– Нет, – заверила ее я, – понимаю, что эта новость для тебя совсем не радостная.

– Что же мне делать? – хныкала Галина.

– Забудь его, заведи другого, – посоветовала я, – закрой эту книгу, возьми другую.

Галина, забыв попрощаться, отсоединилась.

Я, не отключая мобильный, поставила его на зарядку и, едва добравшись до кровати, заснула.

Глава 6

Таранова, в отличие от Таракановой, не имеет роскошной новой, пусть и купленной в кредит, квартиры. Виолетта снимает комнату в больших апартаментах госпожи Орловой, вдовы генерала. Наина Глебовна – очаровательное существо. Несмотря на то что она сегодня отмечает восемьдесят второй год рождения, Орлова сохранила по-детски распахнутые голубые глаза и менталитет десятилетнего ребенка. Чтобы выжить в современной суровой действительности, Наина сдает комнаты. К жильцам она относится как к лучшим своим друзьям: раз пришел, значит, родной. Когда я впервые появилась на пороге, она тут же спросила:

– Чайку? Только что купила роскошную коврижку! Медовую.

Я, полагая, что квартирная хозяйка устроит мне допрос, сообщит о заведенных правилах, запретит пользоваться чайником, холодильником, не разрешит приглашать в дом друзей и сразу потребует залог, растерялась. Наина пригорюнилась и отбросила церемонное «вы».

– Не любишь сладкое?

– Обожаю, – призналась я.

Орлова вновь обрела радостное расположение духа.

– Восхитительно! Пошли!

Наину не смутило даже то, что новая квартирантка явилась без багажа, с одним пакетом в руке. Об оплате она заговорила лишь один раз, мимоходом бросила:

– Будут денежки, принесешь.

– Сколько? – уточнила я.

Вдова начала накручивать на палец прядь волос.

– Ну… как получится!

Через пару дней я поняла, что Наина дружит со всеми, кто когда-либо обитал в ее бестолковых хоромах, а бывшие жильцы стараются помочь старушке. Наине без конца притаскивают продукты, корм для ее любимого кота, покупают лекарства, одежду, всякие мелочи. Собственных детей у Орловой нет, зато она обзавелась кучей приемных родственников. Неделю назад, придя с работы, я обнаружила в ванной не гадкого кота Бубенчика, который обожает писать в бачок с грязным бельем и грызть зубные щетки, а тетушку, похожую на тюленя. Незнакомка покрывала волосы Наины серой массой и бормотала:

– Скоро будешь самой красивой. Пошел вон, Бубенец. Как тебя зовут? – это уже адресовалось мне.

– Ви… олетта, – как всегда, слегка запнувшись, представилась я и мысленно поблагодарила Ваню.

Стиратель абсолютно права: мне постоянно хочется произнести «Виола».

– Красиво, – с легкой завистью произнесла тетка, – а я Клава. Ничего элегантного. Будь другом, унеси чертова кота, иначе он на морду блондином станет, постоянно в краску рожей лезет. Мерзкое создание.

– Не ругай Бубенчика, он все понимает, – прошептала Наина.

– Зачем тогда он мне в сумку нассал? – возмутилась Клава и погрозила котяре кулаком.

– Ты его не уважаешь, а он в ответ тебе мстит, – вздохнула Наина, – вот со мной Бубенчик всегда мил.

Я схватила кота поперек туловища и попыталась поднять. Он моментально расслабился и стал похож на желе. Вы когда-нибудь пробовали взять на руки кошака весом более десяти килограммов, если тот превратился в аморфную массу без костей? Бубенец на редкость вредный, у него огромный диапазон способов отомстить тому, кто ему не по нраву. Но любимец хозяйки никогда не царапается, не кусается, не проявляет агрессии, дает себя погладить, даже нежно мурлыкает. Однако в тот момент, когда человек расслабится и решит, что наладил с котом на редкость дружеские отношения, Бубенец внезапно прыгает с его коленей и стремглав мчится в недра квартиры. А на одежде обескураженного гостя останется мокрое, неописуемо вонючее пятно. Бесполезно бежать по коридорам и орать:

– Ну, Бубенчик, ну, погоди!

Кошак – мастер спорта по игре в прятки. Почему он на вас написал? А спросите его! Вероятно, пару лет назад вы косо глянули в его сторону. У Бубенчика память эпилептоида и мстительность графа Монте-Кристо. Как Наина обзавелась хвостатым чудовищем? О! Это рождественская история, которую она озвучивает каждому, кто переступает порог ее жилища.

Когда-то, год Орлова не помнит, к ней заселилась милейшая девушка. Имя жилички Наина забыла, а вот то, что та оказалась на редкость добросердечной, помнит. Рассказывая мне историю Бубенца, вдова через каждое предложение повторяла:

– Очень хорошая девочка!

Так вот, «очень хорошая девочка» аккурат тридцать первого декабря нашла на улице крохотного котенка, принесла его в квартиру и через день съехала в неизвестном направлении. А котик остался. Наине пришлось вывести у приемыша блох и вылечить его от кучи болячек. За первый год жизни Бубенца Орлова почти превратилась в ветеринара, она теперь умеет делать уколы, ставить клизмы и виртуозно дает таблетки всем соседским животным. Откуда у кота такая идиотская кличка? Нет ответа. Вообще-то Наина нарекла его Бутончик, а уж как имечко трансформировалось в Бубенчик, мне неведомо.

Как вы уже поняли, гости к Орловой приходят часто. Сегодня, когда я, прихватив благополучно переночевавший в холодильнике торт, приехала после работы

домой, в прихожей валялась куча уличной обуви, а из гостиной доносились веселые голоса. Орлова принимала поздравления по поводу дня рождения. Уж не знаю, почему она созвала всех на следующий после даты день. В поступках Наины Глебовны не стоит искать логики. Спросишь ее: «Вот странно, почему же вы вчера не пошли погулять?» – и услышишь в ответ: «Мне не нравится среда! Несчастливая она! Лучше четверг». Наина Глебовна непредсказуема и ребячлива.

Я вымыла руки, пригладила свои каштановые волосы и отправилась в большую гостиную.

– Это Виолетточка! – радостно объявила Наина, сидевшая во главе стола, на котором теснились миски с салатами и блюда с овощами-фруктами. – Максик, она живет в твоей комнате!

Лысый пузатый мужчина лет пятидесяти весело помахал мне рукой, я ответила ему тем же.

– Положи себе селедочку под шубой, – предложила Наина, – ее Марина сделала!

Юная, похожая на зефирку блондинка протянула руку.

– Давай тарелку! Моя селедка – вкуснее всех.

Я улыбнулась. Марина живет в угловой спальне, она прикатила в Москву из глубокой провинции поступать в театральное училище, срезалась на первом же экзамене, но уезжать домой не захотела. Вчерашняя школьница решила идти к своей мечте нестандартным путем. Она нанялась домработницей к ректору того самого учебного заведения, которое месяц назад безуспешно штурмовала. Готовит Марина великолепно, убирает тщательно, и я не сомневаюсь: следующим летом у нее не будет проблем во время вступительных экзаменов.

– Опять где-то шлялась? – спросил грубый голос.

Я уже успела набить рот салатом из курицы, поэтому просто кивнула.

– Небось снова с кем-то в парке целовалась? – продолжил бас.

Я оторвалась от тарелки и скосила глаза влево. Чуть поодаль с куском хлеба в руке воздвигалась крупная фигура, облаченная в пиджак и рубашку. Коротко стриженные темно-русые волосы, хриплый баритон, большие руки с квадратными ладонями и короткими пальцами с обломанными ногтями – все это Наташа Бугрова. Нет, нет, все правильно, именно Наташа, хотя, увидев ее впервые, вы решите, что это мужчина. Наташа очень хочет выйти замуж, все ее разговоры и шуточки сводятся лишь к одной теме: мужики. Но вот странность: о представителях сильного пола Ната всегда высказывается пренебрежительно. Если к Наине приходят в гости ее бывшие жильцы, Бугрова тут же принимается изводить их. Отчего-то ей кажется, что подобным образом она быстро очарует жениха. Но пока никакого успеха на ярмарке невест она не добилась. Наташа – москвичка, почему она очутилась у Наины, я не знаю. В отличие от болтуньи Марины, Бугрова о себе ничего не рассказывает. Мужеподобная дама развозит пиццу, она курьер в фирме «Донна Мобилиа». Вон та огромная лепешка на блюде, очевидно, ее подарок.

В квартире есть еще несколько пустых комнат, но пока жильцов, включая меня, трое.

– Где Зина? – неожиданно заволновалась Наина. – Зинуля! Иди сюда! Куда ты подевалась?

В гостиную вползло маленькое, щуплое, ранее мною не виденное существо в сером платье.

– Наина Глебовна, вы меня звали?

– Ну конечно, Зинуша! – радостно воскликнула хозяйка. – Где ты прячешься?

– В комнате сижу, – робко ответила женщина, – читаю Егорке сказку. У вас гости, не хотела мешать.

– Садись к столу, – приказала Марина, – попробуй селедочку.

Зина затеребила рукав платья.

– Спасибо.

– Устраивайся, – не останавливалась Марина, – когда ты поселилась? Я тебя не видела. В какой комнате устроилась?

– В маленькой, – шепнула Зинаида, – с голубыми обоями. Я днем приехала, после обеда.

– Картошечки? – ласково предложил Макс. – У тебя очень красивое платье!

Зина покраснела.

– Спасибо.

– Сядешь ты наконец или нет? – прогудела Наташа. – Чего на Макса уставилась? Знай, если мужик хвалит твою одежду, значит, он считает, что у тебя прическа жуткая!

Зина машинально поправила волосы.

– Глупости, – быстро сказал Макс. – Очень даже симпатичная укладка.

– Во! – засмеялась Наташа. – Мужики просты, как веники. Сказал тебе парень: «Зина, у тебя красивые юбка и укладка». Думаешь, это комплимент? Не-а! Так он намекает, что у тебя макияж отвратительный!

Максим начал выгребать на свою тарелку остатки оливье из хрустального салатника и бубнить себе под нос:

– Вечно ты докапываешься. Зина, не слушай ее! Платье у тебя чудесное, волосы красиво уложены, цвет лица изумительный.

– Ха! – подпрыгнула Бугрова. – Если мужик произнес такие слова, значит, он думает, что ты жирная туша!

Зина в растерянности моргала. Мне стало жаль ее.

– Присаживайтесь, Зиночка, не обращайте ни на кого внимания.

– Пойду Егорке почитаю, – сделала Зинаида попытку удрать.

– Мальчик, наверное, голодный, – встрепенулась Наина, – быстро веди его сюда.

– Не надо, – сказала женщина.

– Намекаешь, что у нас еда плохая? – нашла повод обидеться Марина. – Я готовлю из свежих продуктов.

– Не стесняйся, – приободрила новенькую Наташа, – все равно мы столько наготовили, что половину выбросить придется, не сожрем. Тащи малыша!

– Ему восемь лет, он уже большой, – уточнила Зина.

– Отлично, – обрадовалась Наина, – вон там куриные котлетки, Виолетта чудесный торт принесла, с фруктами. Нам в радость мальчика покормить.

– Он вам не понравится, – вдруг сказала Зинаида. – Егор несимпатичный.

– Во дура! – покачала головой Наташа. – Все дети симпатичные.

– С этим можно поспорить, – вздохнул Макс. – Коли ребятки – спошное очарование, то откуда берутся мерзкие взрослые?

– Перестали спорить! – приказала Наина Глебовна. – У меня день рождения. Желание новорожденной – закон. Не хочу объедаться вкусным и знать, что в соседней комнате сидит голодный мальчик! Зина и Егор, приглашаю вас принять участие в праздничном ужине!

– Хеппи берздей! – заорала Марина. – Та-да-да-дам! Бум!

– Егорушка! – позвала Зинаида. – Ты чем занимаешься?

– С котиком играю, – крикнул в ответ звонкий голосок.

– Иди сюда, – приказала мама, – надень спортивный костюмчик.

– Он в нем спарится, – немедленно заявила Наина, – на улице жара, в квартире духота! Деточка! Не натягивай теплые брючки!

Из коридора послышался бойкий топот. В гостиную вбежал мальчик. Он держал в руках апатично свисающего Бубенца. Я онемела. Увесистый кот почти скрывал нижнюю часть тела ребенка, оказавшегося слишком маленьким для второклассника. Зато руки, шея и голова были на виду и выглядели ужасно. В первую секунду я подумала, что малыш болен корью или ветрянкой, но, присмотревшись, поняла: кожа несчастного покрыта не сыпью, а странными, багрово-черными язвами. Часть ран зажила, их затягивала корочка, другие, очевидно, вскрытые, были заклеены пластырем. На ребенке буквально не имелось живого места, он весь был покрыт коростой, а на голове отсутствовали волосы.

– Здоровский котик! – весело произнес Егорка. – Ласковый!

В гостиной повисло молчание. Первым от шока отошел Макс, он хлопнул себя по лбу ладонью.

– Ё-моё! Совсем забыл! Надо Катьку из школы забрать! У нее сегодня три урока! Жена не смогла с работы отпроситься! Спасибо за угощение, я полетел за дочкой!

Я посмотрела, как Макс, обойдя по широкой дуге Егорку, бросился в коридор, и вздохнула. Уже поздний вечер. Надеюсь, Катя не стоит одна во дворе гимназии, а мирно смотрит дома мультики. Максим от растерянности придумал глупый предлог для побега.

Потом настал черед Наташи.

– Во дура! – заголосила она. – Я замочила в ванной чулки, надо их постирать.

– Пироги! – подпрыгнула Марина. – Они в духовке!

Обе женщины вскочили и опрометью кинулись из гостиной. Глаза Зины наполнились слезами.

– Хороший котик, – щебетал Егорка. – Ма, погладь его!

Наина укоризненно покачала головой.

– Посади кота на диван и устраивайся около меня. Сначала еда, потом игра. Ты руки мыл?

– Конечно, я аккуратный, – деловито пояснил Егор.

– Молодец, – похвалила его Наина.

Мальчик подошел к столу.

– Ты забыл поздороваться со старшими, – остановила сынишку Зинаида.

Егорка в этот момент как раз шел мимо моего стула. Малыш остановился, протянул мне испещренную язвами руку и произнес:

– Привет. Я Егор.

Первым моим желанием было отпрянуть от больного и, вероятно, заразного ребенка как можно дальше, но в ту же секунду я увидела большие голубые наивные глаза мальчика и, с огромным трудом подавив отвращение и страх, пожала тоненькие пальчики со словами:

– Очень приятно, я Виолетта.

– Это не инфекция, – вдруг сказала Зина, – ни на кого не переходит. Началось давно, сперва появились пятна, а потом они вон во что превратились! В нашем городе это не лечат, мы в Москву приехали, я хочу у профессора проконсультироваться. Вы не бойтесь, Егорка выглядит страшно, но вам ничего не грозит.

Наина начала накладывать мальчику еду.

– Не понимаю, что за глупости ты несешь! Нормальный ребенок, только очень худенький. Ешь, дорогой, побольше! Вкусно?

– Очень! – с набитым ртом откликнулся мальчик. – Ма, попробуй курочку! Ты так готовить не умеешь!

Наина бесстрашно погладила ребенка по безволосой голове.

– Ай-ай-ай! Нельзя маме такое говорить! Очень невоспитанно! Мамочка самая лучшая, все она может, просто времени нет. Зина, бери салат, Виолетта, режь торт! Сейчас Марина с Наташей вернутся, будем чай пить!

Глава 7

Утром я приехала на работу к десяти и была огорошена Аленой. Едва увидав меня, Косорукова зашептала:

– Эй, ты в курсе?

– Знаю много чего интересного, – ответила я, – в особенности по литературе и истории.

– Верка умерла! – заявила Алена.

Я выронила сумочку.

– Врешь!

– Я похожа на дуру? – обиделась Косорукова. – Она точно тапки отбросила.

– Значит, врач со «Скорой» оказался прав, – пробормотала я.

– Ага, – кивнула коллега, – слава богу, у нее инфаркт оказался. Мне Верка не нравилась, очень заносчивая, хамоватая, внаглую свою связь с Вадимом

Ивановичем демонстрировала, не стеснялась Карины Егоровны. Но помереть в тридцать лет как-то неправильно. Мы на цветы собираем. Сколько дашь?

Я смутилась.

– Немного, у меня с наличкой напряженка.

– Я пять тысяч отсчитаю, – раздался за спиной голос главной бухгалтерши, – за себя и за Виолетту. Вот, держи, Аленушка, купишь от офиса бедняжке лучший венок, с лентой «От безутешных коллег».

Карина Егоровна положила на стол Косоруковой купюры и посмотрела на меня.

– Иди к Вадиму Ивановичу, он тебя ищет. Козловой уже не помочь, а у нас дел выше крыши.

– Карина снова главная жена, – ехидно сказала Алена, когда супруга босса выплыла в коридор. – Интересно, надолго ли? Место любовницы вакантно. Может, мне счастья попытать?

– Михайлов похож на обезьяну, – скривилась я, – не молод, не красив, совсем не мачо.

Алена достала из сумочки зеркальце и принялась сосредоточено разглядывать свое лицо.

– Мачо с пустым кошельком – это самец. А вот обезьяна со счетом в банке сразу становится принцем, и плевать на ее возраст и мерзкий запах из пасти. Чем больше у мужика миллионов, тем он прекраснее, умнее, желаннее. Как ты думаешь, мне пойдет стать блондинкой? Вадика глючит на светловолосых.

Я встала и, не говоря ни слова, отправилась в кабинет шефа. Признаюсь, Вера Козлова не принадлежала к числу женщин, с которыми мне хотелось бы дружить, Алена казалась мне намного приятней. Но сейчас мое мнение о Косоруковой приобрело негативный оттенок, слишком уж активно она собралась бороться за свое счастье.

Сегодняшнее задание оказалось стандартным. Хозяин сети бутиков «Леопард» захотел проверить, готовы ли служащие его VIP-магазина, торгующего шубами, исполнить любой каприз клиента. Как продавщицы отнесутся к небогато одетой женщине? Не потратил ли владелец бутиков зря средства на обучение девиц?

– Я нанял психолога, тот внушал девкам: «Имейте в виду, в магазин могут прислать домработницу, велят ей купить хозяйке манто. Или разбогатевшие родственники отслюнили самому бедному члену семьи рубликов на шубейку. Извольте кланяться каждому, кто переступил порог», – просвещал меня заказчик. – Ты их там взбаламуть как следует! Продажи у нас по нулям. Небось дуры не приветливы. Почему в соседние магазины народ прет, а у меня пустота?

В бутике оказалось очень холодно, кондиционер в зале был включен на полную мощность. Мои обнаженные руки и шея моментально покрылись гусиной кожей. Две девушки, сидевшие в креслах у небольшого столика, оборвали разговор. Одна из них лениво поинтересовалась:

– Вы к нам?

Я посмотрела на бейджик, прикрепленный к форменной блузке.

– Хороший вопрос, Катя. Магазин, надеюсь, работает?

Красотки встали и вспомнили уроки психолога.

– Здравствуйте! – фальшиво радостно произнесла Екатерина. – Рады приветствовать вас в VIP-магазине «Леопард и братья», чем могу помочь?

– Хочу шубу, – капризно протянула я.

Катя скептически посмотрела на мою сумочку из кожзаменителя и не удержалась:

– Вы уверены, что пришли по адресу?

Я подняла бровь и поправила медальон, висевший на шее.

– Простите?

– Кто вам наш бутик порекомендовал? – поинтересовалась вторая торговка.

Я изучила ее бейджик и вежливо ответила:

– В Интернете адрес нашла, Надя.

Надежда хмыкнула и закатила глаза.

– Езжайте лучше на ВВЦ, там на ярмарке шубы гляньте.

– Ваш магазин не работает? – прикинулась я дурой. – У вас учет?

– Нет, – сердито буркнула Катя.

– Тогда предложите мне шубку! – потребовала я. – Самую лучшую, в пол! И не из кусков, а из целых шкурок.

В глазах Екатерины мелькнуло раздражение.

– Самую лучшую? Момент!

Продавщица сделала пару шагов и выдернула со стойки вешалку с белым, изумительно красивым манто.

– Плиз, африканский соболь. Примерите?

– Кать, – предостерегающе кашлянула Надя, – фильтруй базар.

– Ничего, – азартно ответила Екатерина, которая явно решила поставить на место нищенку, решившую по глупости сунуться в бутик «Леопард и братья». – Накиньте, мадам!

Я влезла в услужливо поданную доху и завертелась у зеркала.

– Будто на вас сшито! – лицемерно заявила Катя. – Лучше не найти.

– Очень маркое, – вздохнула я. – Один раз в магазин сходишь и запачкаешь!

Надя хмыкнула, а Катя решила развлечься по полной программе.

– Да, согласна, за картошкой в африканском соболе бегать не с руки.

– Почему этот зверь так называется? – проявила я любопытство.

Дверь магазина распахнулась, и вошел мужчина. Надя бросилась к новому покупателю.

– Чего изволите?

– Шарф из меха, – сказал он, – норковый, черный. И воды со льдом!

– И мне тоже, – попросила я, поправляя висевший поверх кофточки медальон, – очень пить хочется.

Надя закатила глаза и ушла, я повернулась к Кате.

– Соболь данного вида живет и отлавливается в Африке, – заявила девушка, – что обеспечивает его подшерстку густоту и суперцвет.

Я пошевелила вешалки.

– Осторожнее, – с вызовом воскликнула девица, – не лапайте манто.

Мужчина, успевший сесть в кресло, внимательно посмотрел на меня, а я, в очередной раз ощупав медальон, показала пальцем на темную шубку.

– На ней указано «Баргузинский соболь», значит, зверька поймали в Баргузинии?

– Верно, – фыркнула Катя, – вам такой для похода за картофелем в самый раз.

Я подавила улыбку. Баргузин – это ветер. Знаете песню «Славное море, священный Байкал»? В ней есть слова «Эй, баргузин, пошевеливай вал, молодцу плыть недалече». Вот про баргузинского соболя ничего не скажу, никогда о нем не слышала, как и о стране Баргузинии.

– Пожалуйста, напитки, – провозгласила Надежда, выруливая из подсобки.

Девушка поставила поднос на прилавок, взяла хрустальный стакан, наполненный водой, кубиками льда, кусочками лайма, и подала мужчине.

Тот протянул руку. Манжет белоснежной рубашки с запонкой с большим камнем чуть задрался, на запястье показались плоские золотые часы на ремешке из кожи рептилии. Надя расплылась в улыбке, словно на американской рекламе.

– Сейчас в нашем бутике меховые шарфы отсутствуют.

– Жаль, – вздохнул мужчина, – обещал маме купить, она свой где-то оставила.

– Если соблаговолите подождать минут десять, их привезут из другого магазина, – пообещала Надежда.

– Отлично, – обрадовался покупатель.

– Можно попить? – попросила я.

– Берите, – милостиво разрешила Катя.

Я подошла к столику и взяла пластиковый, отнюдь не хрустальный стакан, в котором не было ничего, кроме воды. Ни льда, ни лайма туда не положили.

– Очень невкусная, – констатировала я, сделав глоток. – Пахнет хлоркой.

Надя сделала вид, что не слышит.

А Кате надоело забавляться с нищенкой.

– Мадам! Шуба, на которую вы нацелились, стоит одиннадцать миллионов. Вопросы есть?

Я кивнула.

– Да. Скидку делаете?

Екатерина засмеялась.

– Господи!

– В другом бутике есть более дешевый вариант, – свысока произнесла Надя, – за десять миллионов девятьсот девяносто тысяч.

Я подошла к креслу.

– Хорошо. Несите, померяю!

– Тетя, вы не поняли? – разозлилась Катя. – Тот соболь в другой торговой точке.

Я опустилась на сиденье.

– Отлично. Доставьте его сюда.

Катя раздула щеки, но, к огромному моему сожалению, гневный вопль не успел вылететь из ее рта. Дверь в магазин хлопнула, в бутик вплыла дама в комбинезоне, покрытом заклепками, с крохотной собачкой в руках.

– Арина! – кинулась к ней Катя.

– Жорик! – бросилась к песику Надя. – Ути-пути, мой хорошенький!

Я поудобнее устроилась в кресле и стала наблюдать за суматохой. Катя и Надя окружили Арину вниманием. Даму усадили в кресло, подсунули ей под спину подушку, под ноги подставили скамеечку, принесли воды в хрустальном стакане со льдом и лаймом. Лохматому Жорику подали миску, куда Надя на моих глазах

вылила содержимое из бутыли из Франции. Обо мне торговки забыли напрочь, а вот о мужчине нет. Притаскивая очередные шубы для Арины, Надя регулярно говорила ему:

– Ваши шарфики уже едут.

– Эта страшная, та жуткая, коричневая очень лохматая, черная гладкая, – капризничала Арина, – ну-ка, покажите розовую.

– Гав, – тихо сказал Жорик, сидевший на коленях у хозяйки.

– Тебе нравится? – засмеялась Арина и поцеловала песика в макушку.

– Гав, – ответила собачка.

Катерина встряхнула шубу цвета утренней зари.

– Аравийский соболь! Внимание, новинка, воротник из леопарда.

– Прикольно, – одобрила Арина.

Жорик неожиданно зарычал.

– Чего это он? – удивилась Надя.

Песик спрыгнул с коленей хозяйки и начал яростно облаивать манто.

– С ума сошел? – попятилась Катя.

– Жоринька, мальчик, – закудахтала Арина, – не нервничай. Может, он заболел? До сегодняшнего дня Жора так только на кошек реагировал, он их ненавидит.

– Наверное, от манто пахнет киской! – стараясь не расхохотаться, предположила я. – У пса тонкий нюх.

– Да откуда у нас кошки! – взвилась Катя. – Одни соболя.

– А воротник из леопарда, – напомнила я.

Мужик засмеялся, Екатерина побагровела, Жорик продолжал кидаться на шубу, Арина пыталась успокоить его, и тут в магазин вошел парень с большим подносом, на котором лежали свернутые меха.

– Шарфы! – коротко возвестил он. – Кто распишется?

Надя начала царапать ручкой по бумаге, мужчина привстал.

– Ой, симпотные какие! – зачастила Арина. – Хочу! Вон тот! Черный! Дайте! Померяю! Фу! Жорик! Уберите вон тупую шубу! Шевелитесь, лентяйки!

– Черный шарфик единственный, – проблеяла Надя.

– Шикарно! – кивнула Арина. – У меня шея тоже одна! Два не надо. Несите его сюда!

– Черный шарфик под заказ, – жалобно повторила Надежда, – его покупатель ждет!

Арина уперла в меня ледяной взгляд.

– Эта, что ли?

– Нет, мужчина, – быстро ответила Катя.

Капризница вскочила и подбежала к лотку с шарфами.

– Я хочу черный! Я! Хочу! В чем проблема? Если я хочу, то все, что хочу, мое!

Мужчина прижал руку к груди.

– Вы правы. Ни малейших сложностей. С удовольствием уступлю вам эту вещь.

Арина схватила шарф и накинула на плечи.

– Беру!

– Тем более что мне больше понравился ярко-рыжий, – добавил покупатель, – оригинальный цвет!

Арина замерла, затем пробормотала:

– Рыжий? Ну-ка, прикину его.

Тонкие, украшенные сверкающими кольцами пальцы жадно схватили другой шарф и водрузили его поверх первого. Жорик отпрыгнул от хозяйки и осел на задние лапы.

– Этот прикольнее, – отметила Арина, – сделан, как горжетка, с лапами, головой и хвостом. И цвет богаче! Беру! Оба!

– Минуточку, – кашлянул мужчина, – я готов уступить вам один шарф, но второй куплю сам!

– Я хочу! Хочу! – заявила Арина. – Если я хочу, то другие уже не хотят! В чем проблема?

– В моей маме, которая ждет меня дома с шарфом, – ответил покупатель.

– Вам еще принесут, эти мои, – заявила Арина.

– Шарфиков больше нет, – голосом побитой собаки пролепетала Надя. – Последние перед вами.

– Он моргает, – подпрыгнула я.

– Ой, замолчи, – взвилась Катя, – делать людям нечего! Нашла себе развлечение! Ходит по дорогим бутикам, шмотки меряет, солидной дамой прикидывается. Обзаведись для начала приличной сумкой и достойной обувью. Все, ты нам

надоела, канай отсюда, пока охрану не вызвали.

Мужчина повернулся ко мне.

– Кто моргает?

– Шарф, – испуганно ответила я, – вернее, глаза на морде шкурки.

– Ты тупая? – рассвирепела Надя. – В горжетке вместо глаз бусины. Вау!

– Ага, вы тоже увидели! – воскликнула я.

– Кать, шарф веками шевелит, – обморочным голосом произнесла Надежда.

– Осталось понять, где у него веки, – не утерпела я.

Продавщицы разинули рты и уставились на палантин.

– Морг-морг, – протянула Катя.

– Интересно, – бормотнул мужчина.

– Вы о чем? – не поняла Арина. – Теплый такой шарфик, здорово греет, как живой на ощупь.

– Он, наверное, на батарейках! – с облегчением возвестила Катя. – Новая фенька! Живая горжетка! Поэтому и глаза двигаются. В живот элемент питания вшит!

– Вот любопытно, где у шарфа брюхо? – проговорил покупатель и подмигнул мне.

– Наверное, это очень дорогая вещь, – предположила я, подошла к Арине, взяла в руки ценник, свисавший с хвоста изделия, и прочитала: «Внимание персонала! Кошка привезена сегодня, в девять утра, для ремонта шубы из леопарда, которую вчера порвала при примерке клиентка. Не кормить».

Глава 8

– Она что? – ахнула Арина.

В эту секунду «горжетка» дернула ушами и чихнула.

– Живая! – взвизгнула Надя. – Не на батарейках.

– Вот несчастная киса, – пожалел мужик мурку, – из нее собрались сделать заплатку для леопардовой шубы.

– Снимите ее немедленно! – завизжала Арина. – Не хочу ходить с кошкой на шее.

– Сейчас! – пообещала Катя и протянула к ней руки.

Кошка оскалилась и подняла лапу с выпущенными когтями.

Катерина отступила.

– Ой, боюсь!

– Убери гадину! – заорала Арина. – Она вцепилась в меня!

– Лучше не кричите, – предостерегла я. – Животное вело себя мирно, пока не услышало громкие голоса. Успокойтесь. У вас есть что-нибудь вкусное?

– Печенье с кокосом, но оно исключительно для клиентов, – окрысилась Надя. – Вам не положено!

Я улыбнулась.

– Спасибо. Не собиралась просить у вас обед. Надо угостить киску, она полакомится и перестанет нервничать.

– Неси печенье, – распорядилась Катя.

– Сомневаюсь, что кошка польстится на него, – усмехнулся мужчина.

– Сделайте что-нибудь, – еле слышно произнесла Арина. – Я оставлю чаевые. Мне страшно, кошка когти выпускает.

– Надо ее за хвост дернуть! – предложила Надя. – Резко и внезапно. Вот так.

– Стой! – крикнула я. – Не трогай!

Но поздно: Надя вцепилась в филейную часть кисы.

– А-а-а! – заорала Арина. – Больно!

– Ишь, уцепилась! – возмутилась Надя. – Не хочет слезать.

– Замаячь перед тобой перспектива стать заплаткой на шубе, ты тоже сопротивлялась бы, – резонно заметил покупатель.

– Она воняет свиньей, – застонала Арина.

– Не может быть, – сказала я. – Это нелогично. От кошки пахнет кошатиной.

Мужчина почесал затылок.

– Я потерял веру в логику после того, как меня в детстве на пасеке укусила коза.

Я рассмеялась.

– И что тут странного? – спросила Катя. – У нее ведь есть зубы.

– На пасеке пчелы, – уточнил мужик. – Они жалятся. При чем здесь коза?

– Да, при чем? – эхом повторила Катя.

– Немедленно…! – заорала Арина. – Ой, она шипит!

– Кошки не любят громких звуков, говорите шепотом, – велела я.

– Хочу от нее избавиться, – просипела Арина, – я хочу! Точка! Исполняйте!

– Ну, какие будут предложения? – спросил покупатель. – Полагаю, если сказать кисе: «Арина приказывает тебе уйти», она не послушается.

– Надо позвать Куклачева, – ляпнула Катя. – Это кошачий дрессировщик.

– Отметается, – отреагировал мужчина.

– Дайте кошке поесть, – вздохнула я. – Пусть Арина сядет на диван, расслабится, мы спокойно поговорим, киса перестанет нервничать и слезет. Но печенье не подойдет. Сходите в ближайший магазин, принесите рыбы.

– На нашей улице одни бутики с одеждой, – пояснила Надя. – Ни супермаркетов, ни кафе. Ой! Аганезов!

– Даже не думай! Нас убьют! – замахала руками Катя. – Осетрина для него!

– У вас есть осетр? – зашептала Арина.

Катя сложила руки на груди.

– В восемь вечера приедет господин Аганезов с женой. Он ей всегда три-четыре манто за раз берет. Арам Ашотович обожает сэндвичи с рыбкой, специально для него их доставляют.

– Несите осетра, – заверещала Арина, – дуры!

– Давайте, девочки, – поторопил мужчина.

– Нельзя трогать бутерброды Аганезова, – жалобно пискнула Надя. – Нас накажут!

– Если кошка меня поранит, я вас засужу! – пообещала Арина.

Катя побежала в служебное помещение, быстро вернулась и протянула кошке блюдечко.

– Кушай, это вкусно.

«Заплатка» отвернулась от угощения.

– Вот стерва! – рассердилась Катерина. – Аганезов ест и причмокивает, а эта, помойная, рожу воротит!

Кошка неожиданно принюхалась, повернула морду к еде и лизнула кусок рыбы.

– Жрет, – заликовала Надежда.

– Отлично, – сказала я, – теперь подождем.

Через пять минут плотно закусившее осетриной животное странно изогнулось и подняло хвост.

– Ой! Фу! Дайте противогаз! – застонала Арина. – Ну и вонища!

Кошку стало корчить, изо рта у нее полезла пена.

– Мама! – зашептала Катя. – Хорошо, что мы Аганезова не угостили!

– Осетринка, похоже, несвежая, – констатировал мужчина. – Как бы не померла, бедняга!

– Не хочу сидеть с дохлой кошкой на шее! – заорала Арина и затрясла плечами.

Тут откуда-то из-под стойки с шубами на хозяйку кинулся Жорик. Я, забывшая про собачку, поджала ноги. Песик стал карабкаться на диван, кошка вздыбила шерсть и заорала утробным голосом.

– Спасите! – взвыла Арина.

Мужчина схватил стакан и резко выплеснул воду. Он явно метил в кошку, но попал в лицо покупательнице. Арина завизжала, начала тереть глаза руками, кошка спрыгнула с ее шеи и рванула под прилавок. Жорик ринулся за ней. По дороге он ухитрился завалить стойку с жилетками.

– Офигеть! Они их порвут! – хором завопили торговки и начали собирать с пола товар.

Арина перестала орать и отвела руки от лица.

– У нее глаза отвалились! – в ужасе сказал мужчина.

– Нет, всего лишь отпали накладные ресницы, – успокоила я перепуганного посетителя. – Ладно, пойду отсюда!

Очень осторожно, стараясь не наступить на разбросанные повсюду душегрейки, я добралась до двери и оглянулась.

Продавщицы спешно спасали меховые изделия. Задача была непростой, потому что Жорик, словно обезумевший, носился по залу и зубами сдергивал с вешалок манто. Если вспомнить реплику Арины о том, что песик ненавидит кошек, то справедливо будет спросить: а из чьих шкурок сделаны соболя? Арина, прикрывшись подушкой, сидела на диване. Покупателя не было видно, но он меня совершенно не волновал.

Я вышла на улицу, осторожно проверила, не отвалился ли прикрепленный к телу микрофон, сделала несколько шагов и зажмурилась от солнца. Очков у меня нет, купить их пока не могу, денег очень мало. На первую зарплату, полученную от Вадима Ивановича, мне пришлось приобрести кое-какую одежду и необходимые мелочи. У меня остались считаные рубли, их едва хватит на еду.

На мое плечо опустилась тяжелая рука.

– Стоять, не шевелиться! Ты арестована! – произнес чей-то голос.

Желудок сжался и упал в пятки, ноги онемели, руки заледенели, а уши, наоборот, словно обожгло кипятком. Меня узнали? Как? Это невозможно! Что делать? Бежать? Катастрофа!

– Прости, напугал, да? – спросил баритон.

Я медленно обернулась и увидела того самого мужчину, хорошего сына, который собрался купить маме меховой шарф.

– Извини, я глупо пошутил, дурак! – произнес он.

– Вы что-то сказали? – сказала я, стараясь казаться спокойной. – Извините, не услышала! Мигрень разыгралась. В бутике было слишком шумно и душно.

Мужчина протянул мне руку.

– Костя. А тебя как зовут?

– Виолетта, – ответила я и обрадовалась.

Чужое имя вылетело изо рта спокойно, без задержки.

– Пошли, угощу тебя кофе, – распорядился Константин, – вон там есть уютное местечко.

– Спасибо, – сказала я, – к сожалению, я тороплюсь на работу.

Но от Константина оказалось не так-то легко избавиться.

– Может, в пятницу вечером встретимся?

– Нет, мне надо навестить на даче детей, – отрезала я. – Поищите не обремененную семьей даму. У меня пятеро сыновей.

– Ты не носишь обручальное кольцо, – улыбнулся Костя.

Я скорчила гримасу.

– И что? Вы никогда не сталкивались с одинокими матерями? До свидания.

Костя схватил меня за запястье.

– Виолетта, погоди, я не приставала.

– А кто? – фыркнула я.

– Фотограф, Константин Франклин, слышала?

– Нет, – ответила я.

– Меня поразила твоя внешность, – быстро сказал нахал, – давно ищу такую модель: темные волосы, голубые глаза, смуглая кожа, идеальная фигура. Я сейчас снимаю проект для фирмы элитной косметики. Никак не мог найти типаж. Сегодня ночью мне приснился сон: женщина, невероятно интересная, в глазах тайна. Я проснулся, посмотрел на будильник и расстроился. Где такую найти наяву? Захожу в магазин, а там она, то есть ты! Я не могу тебя лишиться! Хочешь стать лицом косметической фирмы? Получишь славу и большие деньги.

Франклин постучал пальцем по циферблату часов.

– Время обеда, пошли.

Я засмеялась.

– Дорогой Константин! С юного возраста я отлично усвоила простую истину: никогда не стоит отправляться на прогулку с незнакомым мужчиной, в особенности если добрый дядя предлагает конфеты, кукол, милого щенка, духи, сняться в киносериале, стать моделью и так далее. Я польщена вашим предложением, но нет!

– Всего-то кофе! – заморгал Константин. – В приличном месте, где полно официантов и посетителей!

– На каком языке вам ответить нет? – рассердилась я.

– Где-то я тебя видел, – пробормотал наглец, – ты случайно не актриса? Не снималась у Люка Бессона? У тебя очень запоминающиеся глаза, невероятные, меняющие цвет, сейчас они синие!

Я прикусила губу, вырвалась от доморощенного Казановы и, не посмотрев по сторонам, выскочила на проезжую часть. Сделала шаг, другой. Услышала громкое тарахтение, повернула голову и увидела, как чуть выше по улице от тротуара резко стартует мотоцикл. За рулем, чуть согнувшись, сидел человек, полностью затянутый в черную кожу. Голову байкера закрывал шлем с тонированным стеклом, во всем его облике было только одно яркое пятно – красная наклейка в районе лба. «И не жарко ему?» – машинально удивилась я и решила пропустить лихача. Переулок, где расположен бутик «Леопард и братья», малопосещаем, по всей Москве пробки, а здесь пустая проезжая часть. Парадокс легко объясним: тут одностороннее движение, один конец улицы упирается в парк, окаймляющий крупный музей, а второй ведет в глубь так называемой мили олигархов. Стоимость однокомнатных квартир здесь стартует с пяти миллионов евро. По бокам улицы находятся дорогие магазины, их вовсе не посещают толпы народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Биография Виолы Таракановой детально рассказана в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», издательство «Эксмо».

2

Перри Мейсон – адвокат, главный герой книг Эрла Стенли Гарднера, борец за правду и справедливость.

3

История отношений Вилки и Ленинида описана в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», издательство «Эксмо».

4

Эта ситуация описана в книге Дарьи Донцовой «Зимнее лето весны», издательство «Эксмо».

Купить: https://tellnovel.com/darya-doncova/d-yavol-nosit-lapti

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити